

*Некоторые семейные тайны
невозможно похоронить.*

Тощелуй сумрака

САРА ГУДМАН

Young Adult. Коллекция фэнтези. Магия темного мира

Сара Гудман

Поцелуй сумрака

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Гудман С.

Поцелуй сумрака / С. Гудман — «Эксмо», 2020 — (Young Adult.
Коллекция фэнтези. Магия темного мира)

ISBN 978-5-04-115751-7

Каждый, кто шагнет в лес после заката, не сможет укрыться от сумрака...
Мать Верити и Лайлы умерла. Их отец не смог справиться с потерей любимой
жены и оказался в сумасшедшем доме. Теперь сестры стали сиротами,
которых вот-вот отправят в другую семью. Одиннадцатилетняя Лайла
быстро находит новый дом, а семнадцатилетняя Верити – нет. Стараясь
держаться поближе к сестре, Верити устраивается работать на ферму. Но
даже тяжелая работа не помогает девушке отвлечься: она чувствует, что
в маленьком городке что-то не так. Пугающие сны посещают ее каждую
ночь, а у таинственного колодца в лесной глуши Верити все чаще встречает
призрачные фигуры. Девушка решает разобраться, что на самом деле
происходит в ее новом доме. Однако есть те, кто не намерен делиться своим
прошлым. И они сделают все, чтобы похоронить свои тайны как можно
глубже.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-115751-7

© Гудман С., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

1	6
2	12
3	16
4	19
5	24
6	28
7	33
8	39
9	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Сара Гудман

Поцелуй сумрака

Ханне Уэст,

гениальному партнеру по критике и верной подруге.

© Харченко А., перевод на русский язык, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Морозный ветер завывал над пустыми полями, разгонял перед собой снег, словно испуганную дичь, и мчал по обширным территориям ферм и маленьким городкам со сбившимися в кучку домами. Буря пронеслась мимо причудливого пастората, что ютился рядом с деревенской церковью. Ей не было дела до девушки, которая стояла на коленях подле иссушенных зимой кустов роз.

Девушка, в свою очередь, тоже не обращала на бурю никакого внимания. Она рыла мерзлую почву до тех пор, пока не выкопала неглубокую яму. Затем осторожно опустила в холодную землю шляпную коробку и смотрела на нее, пока снег припорошивал ей ресницы.

Вытащив тонкую цепочку из-под сорочки, она дрожащими пальцами расстегнула застежку, и в грязную ладонь скользнуло золотое кольцо.

Она скрывала его месяцами. Теперь оно будет скрыто навеки.

Девушка сняла крышку с коробки. Ее содержимое было спрятано под клочком ткани, оторванной от старого стеганого одеяла. Она не заглядывала под тщательно подоткнутые края. Она уже поцеловала идеальные крошечные губки, запомнила очертание закрытых глазок младенца и пушистые волосы оттенка розового золота. Кольцо скатилось с ладони на ткань. Девушка закрыла коробку и наблюдала, как снег медленно укрывал маленькую могилу.

Затем поднялась на ватных ногах. И, не оглядываясь, ушла в бурю.

1

Июнь, 1907 год

В пассажирском вагоне было тесно, как в новеньком сапоге, и жарко, как в шестом круге Ада.

В качестве прощального подарка приют вручил нам по комплекту одежды, но поскольку я старше, мне также досталась красивая шляпка: широкополая, украшенная искусственными цветами – все в соответствии с последними тенденциями в моде. Я сняла ее и обмахнула вспотевшее лицо. Вряд ли там, куда мы направлялись, нужно выглядеть стильно.

Сквозь открытые окна в поезд ворвался влажный ветер. Я не осознавала, что вполуха прислушивалась к царапанию перьевой ручки по бумаге, пока звук внезапно не оборвался. Лайла оторвалась от своего занятия и взглянула на меня с капелькой чернил на кончике вздернутого носа.

– Мне только что пришла в голову замечательная идея для истории! Нужна еще бумага. – Она показала ручкой на небольшой сундук у моих сапог.

– Что, опять? – Вздыхнув, я убрала ноги, чтобы она в десятый раз откинула крышку. Лайла принялась искать чистую бумагу, и страницы с шелестом соскользнули с ее колен.

– Нужно немедленно все записать, пока я не забыла! – объяснила моя младшая сестра со всей серьезностью, свойственной одиннадцатилетним девочкам.

– Только осторожно, не переверни книги отца. И сотри чернила с носа.

Вытерев лицо рукавом, Лайла отодвинула в сторону потрепанные экземпляры «Лечение в общей практике» Бекмана и «О профилактике туберкулеза» и достала сложенный лист цвета слоновой кости.

– Можно взять это?

Между ее пальцев было зажато мое письмо о принятии в Университет Святого Лаврентия. Я с трудом сглотнула и забрала его.

– Поищи что-нибудь другое, ладно?

Она продолжила копаться в сундуке, а я взглянула на величавый фирменный бланк, вспоминая свое ликование при первом прочтении. Казалось, будто сам ангельский хор пропел первую строку: «Мы с удовольствием принимаем ваше заявление о поступлении...», за коей следовало описание стипендии, полученной за академические заслуги.

Я столько ночей училась до седьмого пота, горящих глаз и погасшей свечи; столько мечтала о том, как мы вернем себе место в обществе, – и все напрасно.

Разгладив страницы, я осторожно вложила письмо в выцветший сборник сказок, который родители читали мне перед сном. Умостившись на кровати между ними, я обводила слова, которые они зачитывали, и делала вид, будто мои крошечные пальцы оживляли мудрых дев и храбрых принцев. Ныне же те деньки казались далекими и ненастоящими, как волшебные сказки, которыми они наполнились.

Я повернулась к Лайле – та снова что-то быстро строчила.

– О чем твоя новая история?

Сестра постукала ручкой по чистой бумаге на коленях.

– О девочке, которая отправляется в путешествие по неведомому морю. В конце концов ее прибывает к берегу, где все зачарованно... даже небо. А облака – из сахарной ваты.

Я обвела взглядом переполненный грязный вагон, подпрыгивающий на рельсах.

– Почему ты никогда не пишешь о том, что может произойти в реальности?

Лайла подняла на меня полные жизни карие глаза.

– Как же, наверное, скучно в твоей голове, Верити. У тебя совсем нет воображения.

– От богатого воображения одни неприятности, – парировала я.

В голову невольно закрались воспоминания о папе, каким он был раньше. До того, как граница между реальным и вымышленным размылась в его разуме, и из каждого закутка выползли кошмары, которые видел только он.

Я перевязала ленту на кончике светло-рыжей косы Лайлы. Когда папино безумие усугубилось, забота о том, чтобы мы не остались голодными и голыми, легла на мои плечи, и у меня совершенно не было времени предаваться фантазиям.

– Не грызи ногти! Одному Богу известно, сколько микробов в этом поезде. Настоящая чашка Петри на колесиках.

Лайла вздохнула.

– Ты самая строгая сестра в мире.

– Скорее всего, – согласилась я, прислоняя голову к окну. – Но кто-то же должен позаботиться о нашем выживании.

За мутным стеклом до самого горизонта простирались опаленные солнцем луга. Вдали от высоких домов небо будто находилось слишком близко, как гигантская крышка, заключившая под собой всю духоту жаркого дня и нас в придачу. Капельки пота стекали по вискам и вызвали жжение, попадая в уголки глаз. Детские крики и непрерывный грохот колес поезда действовали на нервы.

Убрав влажную прядь со щеки, я поискала взглядом мисс Пимслер. Представительница Детского благотворительного общества сидела в начале вагона и – вот те на – вязала шерстяной шарф.

Я встала и пошла боком по проходу в ее сторону; моя юбка легонько колыхалась, щекоча голени. Поезд покачнулся на повороте, и, ударившись бедром о сиденье, я непроизвольно ахнула.

Мисс Пимслер подняла голову; ее круглое лицо сияло то ли от искренней доброжелательности, то ли от пота. Губы растянулись в самодовольной улыбочке человека, который творит добро и не против, если вы обратите на это внимание.

– Тебе что-нибудь нужно, Верити?

Вообще-то да. Но вряд ли она даст мне два билета обратно в Нью-Йорк.

– Не подскажите, сколько нам еще ехать?

Мисс Пимслер выудила из-под блузки подвеску с эмалевыми часами.

– Мы прибудем в Уилер всего через пару минут. – Она с щелчком захлопнула часы. – Ты знала, что много лет назад твои родители жили в этой части Арканзаса? Поэтому я и посадила вас с Лайлой на этот поезд.

Я удивленно наклонила голову.

– Правда?

Мисс Пимслер кивнула.

– Насколько я знаю, твоя мать провела тут юность – по крайней мере, какую-то ее часть. Твой отец тоже ненадолго сюда приезжал.

Меня охватило любопытство, за коим последовала старая добрая боль.

– Наша мама умерла девять лет назад, а папа... – я не закончила предложение. Нет смысла говорить, что он был не в том состоянии, чтобы делиться историей нашей семьи – даже до недавнего попадания в психиатрическую лечебницу.

Мисс Пимслер тихо цокнула языком.

– Верити, ты умная, находчивая девочка. Уверена, тебя ждет прекрасная жизнь с новой семьей, кем бы они ни были. Бог не даст тебя в обиду.

Я чуть не нахмурилась.

– Почти то же сказала тетя Сьюзен в своем письме.

Мы никогда не встречали нашу единственную живую родственницу, но в своем гадостном ответе на просьбу взять нас с Лайлой в семью она сказала, что это «абсолютно невоз-

можно». Суд счел недопустимым, чтобы семнадцатилетняя девушка и ее сестра были предоставлены самим себе, так что отказ тети Сьюзен стал последним гвоздем в крышку гроба, благодаря чему мы и оказались в приюте Детского благотворительного общества три месяца назад.

– Судя по всему, твоя тетя – мудрая женщина, – мисс Пимслер погладила меня по руке. – Мы должны верить, что все происходит в нашей жизни так, как и было задумано.

Я закусила губу, чтобы сдержать едкий ответ, и пошла обратно по проходу. Пусть мисс Пимслер и тетя Сьюзен верят в судьбу, предназначение или загадывание желаний на падающей звезде. Я же предпочитаю полагаться на себя.

Мечтам о колледже никогда не сбыться, но через семь месяцев мне исполнится восемнадцать. Тогда я найду способ вернуться в Нью-Йорк. Я прекрасно знала, что при желании работа всегда найдется. Последний год обучения в школе я зарабатывала нам на пропитание стиркой и шитьем. Я могла бы снова заняться этим, наняться продавщицей в одну из лавочек в центре города или же присоединиться к машинописному бюро. Продолжая обдумывать варианты, я вернулась на грязное сиденье. Лайла спрятала бумагу в сундук и с надеждой смотрела на проносящиеся мимо луга.

– Здорово, что у нас появится новая мама.

– Не говори так! – Мое сердце сжалось от ее беспечно брошенной фразы. Я вспомнила, как мы катались на замерзшем пруду в Центральном парке, представила маму с румяными от мороза щеками и смехом на устах. – Маму никто не заменит.

Лайла понизила голос и сказала с такой неприкрытой тоской, что у меня перехватило дыхание:

– Может быть, для тебя...

Раздражение испарилось, остались лишь крупинцы грусти. Моя сестра не знала маму, которую я так обожала. Ее единственное воспоминание было о бледном лице матери, лежавшей в обитом атласом гробу вместе с нашим маленьким братом, который пережил ее всего на пару часов.

Под визг тормозов поезд дернулся и замедлился. Через окно в вагон залетали хлопья пепла и зола.

– Дети! – обратилась мисс Пимслер. – Скоро мы прибудем в Уилер. – Другие юные пассажиры, несколько десятков, повернулись к приземистой женщине. Она стояла во главе вагона и промокала лоб платком. – Соберите вещи. Давайте дружно постараемся произвести хорошее первое впечатление.

Я опустила взгляд на сундук и два старых саквояжа, в которых хранилось все наше имущество. Мы потеряли дом, когда папина медицинская практика перестала приносить доход, а все остальное пришлось продать, чтобы оплатить аренду череды жалких комнат.

Остальные сироты – до сих пор не верится, что мы одни из них – собрали скудные пожитки, привели в порядок спутавшиеся в дороге волосы и разгладили мятую одежду.

Я закинула на плечо саквояж, передала второй Лайле и взяла сундук под мышку. Мы вышли на платформу, и из рассеивающегося облака пара возник носильщик.

– Мне забрать ваши вещи, мисс? – спросил он, растягивая каждую гласную, словно ленивый кот.

– Благодарю, но я справлюсь.

Я направилась сквозь пелену угольного дыма к мисс Пимслер, в голове роилось бесчисленное количество причин для беспокойства. Теперь моя жизнь в чужих руках.

Что совершенно неприемлемо.

Встав в нестройный ряд, мы спустились по короткой пыльной тропинке в город. Мои щеки залились краской при мысли о том, как я выгляжу со стороны – почти взрослая девушка,

которая должна самостоятельно управлять своей жизнью, а вместо этого вынуждена умолять незнакомцев дать ей крышу над головой.

Отбросив мрачные размышления, я принялась изучать город Уилер, жарящийся в лучах палящего солнца. Центральную площадь обрамляло несколько ветхих домов. В середине, над широкой лужайкой, возвышалось представительное здание суда из красного кирпича, а рядом, в его тени, находилась небольшая тюрьма с жестяной крышей. В противоположной части пыльной улицы стояла белая, обшитая досками церковь, чей шпиль пронзал ясное небо.

На краю поросшей травой площади маячила деревянная платформа.

– Чудесно! – воскликнула мисс Пимслер, приказав нам оставить багаж рядом с церковью. – Семьям гораздо проще выбрать новых детей, когда их можно как следует рассмотреть.

Мы поднялись по шатким ступенькам на платформу, словно лошади на скотном дворе, и моя кровь вскипела от унижения, которое сменилось раскаленной злостью. Перед нами уже собралась толпа. На площадь опустилась гнетущая тишина, и те, кто вел беседу, понизили голос до шепота. Каждого из нас пристально изучали и молча оценивали наши достоинства и недостатки. Решительный шаг Лайлы замедлился, и она взяла меня за локоть.

Как только мы выстроились на платформе, горожане беспорядочной толпой поднялись по ступенькам. К нам приблизилась хорошо одетая пара. Мое сердце лихорадочно забилось в груди, а потом замерло, когда они миновали нас и остановились перед маленькой рыжеволосой девочкой, которой было не больше четырех-пяти лет. В приюте я слышала, как мисс Пимслер говорила, что взрослым детям труднее найти дом. Так или иначе, никто из нас не мог повлиять на то, где мы окажемся. Если здесь нас никто не захочет, то мы снова сядем на поезд и поедem в другой штат.

Между лопатками скатывались капельки пота – как от нервов, так и от жары. Я посмотрела на темную рощу деревьев в другой части площади, их силуэты четко вырисовывались на фоне ослепительно-яркого неба. Грудь сдавило от свирепой тоски по Нью-Йорку – любой его части, даже по приюту. Но обратного пути не было. По крайней мере пока.

Я медленно выдохнула, чтобы избавиться от напряжения в плечах. По словам мисс Пимслер, моя мама жила в этой местности, и каким-то образом эта мысль действовала успокаивающе. Мы с Лайлой тоже найдем себе здесь пристанище, до тех пор пока не сможем вернуться на север.

– У нас все сложится наилучшим образом, – сказала я сестре. Она кивнула, и морщинка между ее бровей разгладилась. – Мы вместе, а значит, все будет хорошо.

Мое внимание привлек пронизательный взгляд пожилого мужчины, который смотрел на меня с прищуром. Возможно, дело в лысой голове или же в слегка выпяченной нижней челюсти, из-за чего он напоминал бульдога... как бы там ни было, этот человек внушал ощущение, что с ним шутки плохи. Я проглотила неприятный комок в горле.

Мужчина сложил ладони со старческими пятнами поверх латунного набалдашника трости и посмотрел на Лайлу. Она взяла меня за руку.

Наблюдая за нами, он поднялся по ступенькам, гулко постукивая тростью по дереву. Взгляд его пронзительных серых глаз метался от меня к сестре, и у меня возникло тревожное ощущение, что он чего-то ждет.

– Я – мистер Рубен Либранд. Как тебя зовут? – бросил он, словно гранату, вопрос.

– Лайла Прюитт. – Сестра выпрямила узкие плечи, демонстрируя уверенность, но ее ладонь, зажата в моей, дрожала.

Я сразу же прониклась недоверием к мистеру Либранду и инстинктивно захотела попятиться. Если мы ему приглянемся, нас тотчас упакуют и отправят к нему домой, как мебель с аукционной распродажи. У нас не было права голоса в нашем собственном будущем. Позор от всего этого разжег пламя в моей груди.

Мистер Либранд стукнул кончиком трости по платформе и, оглянувшись, крикнул в толпу:

– Она здесь!

В ответ на его хриплый голос одна женщина подняла голову. Я прошла взглядом по ее украшенной цветками магнолии шляпке, платье оттенка слоновой кости и остановилась на утонченном лице с глазами цвета зимнего неба. Несмотря на полуденный зной, на ее светлой коже не было испарины. Она приблизилась; аромат глицинии окутывал ее стройную фигуру. Белые волосы, выбившиеся из-под шляпы – а также длинные ресницы и изящно выгнутые брови, – красиво отливали серебром.

– Лайла? – обратилась она мелодичным голосом.

Сестра кивнула с замороженным видом. Женщина просияла и, улыбнувшись с облегчением, вручила пачку бумаг угрюмому мистеру Либранду.

– Дядя Рубен, вы не могли бы позвать мисс Пимслер и сказать, что мы нашли Лайлу? Затем заведите машину, если вы не против. – Она вернула свое внимание к Лайле. – Мы с дядей хотим вернуться домой до темноты.

Когда мистер Либранд проходил мимо, одна женщина отвела взгляд, и могу поклясться, что фермер в потрепанной шляпе плюнул в его сторону жевательным табаком. И все же наши перспективы не казались такими уж безрадостными, ведь он жил с этой благородной, доброй дамой.

Общаясь исключительно с Лайлой, женщина произнесла с тягучим южным акцентом:

– Я – мисс Мэйв Донован. Услышав, что в Уилер приедет ваш поезд, я отправила письмо мисс Пимслер с просьбой найти девочку твоего возраста. Она ответила, что сюда прибудет умная юная леди со светло-рыжими волосами по имени Лайла. По твоему описанию я сразу поняла, что ты идеально подойдешь. – За всю тираду мисс Мэйв ни разу не сводила почти бесцветных глаз с моей сестры. – Мы уже все уладили. Я приехала, чтобы забрать тебя домой.

Меня охватило легкое головокружение. На жуткую секунду я испугалась, что мисс Мэйв намерена забрать только Лайлу. Но нет, мисс Пимслер знала о нашей ситуации и ни за что бы не позволила подобному произойти. Я просто устала, перенервничала и искала проблемы там, где их не было.

Задрав подбородок, я сказала с напускной безмятежностью:

– Приятно познакомиться, мисс Мэйв. Я Верити, сестра Лайлы.

Женщина впервые посмотрела на меня. Услышав, как она резко втянула воздух, я поправила шляпку и вытерла влажный лоб тыльной стороной ладони. Должно быть, я представляла собой то еще зрелище. От смущения мои щеки зарделись.

– Надеюсь, вы простите нам неряшливый вид. Как только мы устроимся, то сразу же приведем себя в порядок. – Я поправила саквояж на плече. – До вашего дома далеко?

Мисс Мэйв поджала губы, напоминаявшие бутон розы, и жестом подозвала кого-то. Проследив за ее взглядом, я увидела мисс Пимслер, которая взбежала на платформу с жутковатой жизнерадостной улыбкой.

– Простите, что заставила вас ждать. Я помогала другой семье. Столько дел, столько дел... Верити, отойдешь со мной на минутку, пожалуйста? Нужно поговорить.

Под кожей зазмеилось дурное предчувствие. Мы отошли на пару шагов, но я не спускала глаз с Лайлы – та застенчиво беседовала с мисс Мэйв.

Мисс Пимслер опустила руку мне на плечо.

– Я хотела подготовить вас, но совет директоров просит нас обождать, пока семья не будет готова взять ребенка под опеку, прежде чем все объяснять, – она сделала глубокий вдох. – Пожалуйста, пойми, такова политика Детского благотворительного общества, и мы придерживаемся своих правил. Как и все новые родители, мисс Мэйв может взять только *одного* ребенка.

Я чувствовала себя так, будто скольжу к пропасти, хватаясь за любую опору, чтобы предотвратить падение. Мисс Пимслер решительно посмотрела мне в глаза. При ее следующих словах я улетела за край.

– Она заберет Лайлу. И ты с ними не поедешь.

2

Слова врезались в меня ударной волной, и я покачнулась на пятках. Они не могут забрать у меня Лайлу! Это невозможно! В голове царила полная неразбериха из возражений и споров, но я выдавила лишь один вопрос:

– Почему?

– Это ради их же блага, – ответила мисс Пимслер, чеканя каждый слог. – Новоиспеченным родителям будет легче с одним ребенком – как в финансовом, так и в эмоциональном плане. А детям лучше начать все с чистого листа, без напоминаний о прошлом. Понимаешь? – Женщина кивнула, и перья на ее дурацкой шляпке встрепенулись. – Вот будь у вас родственники, которые согласились бы взять вас обеих, все обстояло бы несколько иначе, а так...

– Верните нас в Нью-Йорк! – потребовала я. В ушах гулко пульсировала кровь. – Я позабочусь о нас. Как всегда. – В нашу сторону уже косились любопытные жители. – У вас нет права нас разлучать!

– Мистер Либранд и мисс Донован согласны с нашими принципами, как и все родители, подавшие заявление. Обычно мы не располагаем родственников в одном поезде, но в вашем случае... что ж, после всего, через что вам пришлось пройти, мы сделали исключение. Будь благодарна за эту возможность, Верити. Некоторым людям трудно принять незнакомцев в свою жизнь, независимо от того, дети они или нет. Найти дом, пусть и не один и тот же, это поистине счастье.

Я повернулась к мисс Мэйв, которая смотрела на меня с грустью в глазах.

– Прошу вас, мисс Мэйв! Я могу отработать наше содержание. Я на все согласна! Могу спать в конюшне, если в доме нет места. Поговорите с дядей, – я лихорадочно оглянулась в поисках мистера Либранда. – Или позвольте мне поговорить с ним.

Мисс Мэйв попятилась; моя истеричность явно ее смутила. Она с несчастным видом выкручивала руки.

– Верити, мне так жаль. Я пыталась...

– Тогда пытайтесь лучше! – крикнула я, хватая женщину за рукав. Лицо Лайлы побледнело, и на нем проступили веснушки. Ахнув, мисс Мэйв попыталась отстраниться, но я ей не позволила.

На мое плечо легла тяжелая рука. Я резко ткнула локтем за спину, даже не посмотрев, кто там. Удар пришелся по чему-то твердому и острому. Развернувшись, я оказалась лицом к лицу с мужчиной с темными глазами.

– Достаточно. – Он поправил значок на бочкообразной груди и расставил шире ноги, звякнув шпорами. – Я – шериф Лофтис, глава комитета по вопросам усыновления. Юная леди, если не будешь вести себя прилично, я в два счета посажу тебя обратно на поезд и отправлю восвояси.

От его угрозы внутри все похолодело. Лайла покачала головой.

– Вери, я не хочу, чтобы ты покидала меня, – ее дыхание сбилось на последнем слове.

Мисс Мэйв присела, чтобы их глаза оказались на одном уровне.

– Ш-ш-ш... не переживай. На твоём месте я бы тоже расстроилась. Но, обещаю, тебе понравится у нас дома. А Верити сможет приходить в гости.

Она принялась утешать мою сестру, а шериф Лофтис наклонился, и меня обдало дыханием с запахом нюхательного табака.

– Со стороны мисс Мэйв очень любезно предлагать тебе встречи с сестрой, но этому не бывать, если ты начнешь приносить проблемы. Этот город не место для тех, кто не может следовать законам и вести себя подобающе.

Глаза Лайлы заблестели от непролитых слез. Подавив панику, я окинула взглядом уменьшающуюся толпу местных жителей, которые могли бы взять меня к себе. Если я не совладаю с эмоциями, мне запретят видеться с сестрой. Или того хуже – меня отправят в другой штат.

Я делано улыбнулась.

– Я уверена, что мисс Мэйв хорошо о тебе позаботится. – Та посмотрела на меня с признательностью. Разлука с Лайлой потрясла меня до глубины души, но, по правде, у меня не было причин полагать, что с ней будут плохо обходиться. – И мы скоро увидимся.

Подбородок Лайлы задрожал. В конце концов она кивнула; поражение на ее лице полностью соответствовало моим чувствам. Мисс Мэйв погладила ее по спине и начала плавно уводить от меня.

– Верити, дай нам знать, когда найдешь себе дом, и мы при первой же возможности организуем вам встречу.

Шум двигателя возвестил о возвращении мистера Либранда. В своей панике я едва обратила внимание на его темно-зеленый «Форд» модели «Ф», который остановился неподалеку. Мисс Пимслер что-то говорила:

– ...И, насколько мне известно, мисс Мэйв Донован здесь очень любят и уважают. Между прочим, она преподает в местной школе. Лайле повезло...

Все звучало неразборчиво, будто издалека. Я смотрела на Лайлу, примостившуюся на блестящем кожаном сиденье между элегантным мистером Либрандом и мисс Мэйв с ее первозданной красотой. Все это напоминало счастливую концовку грустной истории: счастливого ребенка спасли богатые благодетели.

Лайла оглянулась и нерешительно помахала на прощание. Я, так и не оправившись от шока, подняла руку в ответ, и они исчезли в облаке пыли. И вот я осталась совершенно одна.

Проследив за их отъездом, шериф Лофтис развернулся и ушел, позвякивая шпорами. Внимание мисс Пимслер тут же захватила семья с вопросами об их новом мальчике. Я воспользовалась случаем и улизнула. Ее слова подали мне идею.

Мой сундук одиноко стоял на пыльной земле у входа в церковь. Я подняла крышку и замерла при виде страниц, испещренных витиеватым почерком Лайлы.

Бумаги не осталось, так что пришлось вырвать чистый лист в конце учебника по биологии. Кошунственное обращение с книгами отца, но что поделать. Я взяла ручку Лайлы и набросала письмо тете Сьюзен.

Сложив еще один лист в импровизированный конверт, я наскребла мелочь и поспешила к почтовому отделению, которое заприметила ранее в другом конце площади. Позаимствовала сургуч у почтмейстера и, мысленно произнеся молитву, отправила письмо.

– Пожалуйста, пусть это работает...

Выйдя наружу, я замерла на тротуаре под навесом, чтобы пропустить коляску шерифа Лофтиса. Рядом с ним ехала темноволосая девушка моего возраста. Шериф меня проигнорировал, а вот его спутница незаметно помахала. Я кивнула ей и перешла дорогу к церкви, возле которой суежилась мисс Пимслер.

Она посмотрела на меня с легким раздражением.

– Верити, где ты пропадала? Свободных семей осталось не так уж много, а найти людей, которые возьмут взрослого ребенка, и без того тяжело! – Она поджала губы. – Особенно тогда, когда он даже не пытается им понравиться.

– В таком случае прошу меня извинить, – я присела в реверансе. – Мне нужно пообщаться со славными жителями Уилера и найти того, кому по душе противные девицы.

Я вернулась на главную площадь и поискала людей с пачкой документов, рядом с которыми еще не стояли пассажиры с моего поезда.

Судя по всему, осталась только одна свободная пара: тощая женщина с глубокими морщинами на лбу и огромный мужчина с густыми седыми усами. Женщина сняла соломинку с

бретели его полукомбинезона и заговорила взволнованным голосом. Я подошла ближе и уловила обрывок фразы.

– ...Думали, что будут постарше. В объявлении говорилось о мальчиках и девочках всех возрастов. Если бы мы увидели тот список с именами и возрастом раньше, то не тратили бы время на поездку.

Я остановилась в паре шагов от них и прочистила горло. Женщина обернулась и скрестила руки.

– Тебе чем-нибудь помочь?

Значит, она прямолинейная дама. Что ж, с этим можно смириться.

– Похоже, я последыш из помета – никто не захотел забрать меня домой. – Женщина угрюмо поджала губы. – Я – Верити Прюитт, и мне нужно где-то остановиться.

– Хэтти Везерингтон. А это мой муж – Большой Том.

Они молча переглянулись. Наконец, великан произнес плавным и глубоким голосом:

– Мы всегда можем нанять кого-то в помощь из соседнего округа.

Все коляски укатились, оставив меня наедине с последней надеждой – парой, которая, судя по всему, не хотела меня брать.

– Нет, прошу вас! – Я подошла ближе и, подняв голову, посмотрела рослому фермеру в глаза. Его кустистые седые брови поползли вверх от удивления. – С чем бы вам ни требовалась помощь, я справлюсь, только дайте мне шанс.

Да я превращу солому в золото, если это поможет уцепиться за возможность остаться с Лайлой.

Хэтти покосилась на Большого Тома.

– Что думаешь?

Тот медленно пожал плечом.

– Полагаю, это никому не навредит, – протянул он с деревенским акцентом.

– Ты производишь впечатление целеустремленной девушки. – Хэтти затянула потуже сидящие волосы на затылке и протянула мне жилистую руку. Я постаралась не скривиться от ее хватки. Она была невысокой и худой, но при этом довольно сильной.

– Учти, мы возьмем тебя в качестве рабочих рук и на испытательный срок. Через месяц, если нас все устроит, ты начнешь получать плату за свой труд. Не так много, как наемный работник, но это лучше, чем ничего.

И я надеялась, что этого хватит, чтобы вернуться домой, когда придет время.

– Спасибо. Вы об этом не пожалеете.

Хэтти кивнула, хоть и с сомнением на лице.

– Скажи той женщине, что мы берем ее, – обратилась она к мужу. Усы Большого Тома поползли вверх, скрывая улыбку, и он пошел выполнять приказ жены.

Через минуту он вернулся с мисс Пимслер, семенившей за ним, как буксир за пароходом.

– Я искренне верю, что жизнь на ферме придется тебе по вкусу куда больше, чем ты думаешь, Верити, – сказала она, потирая усталые глаза. – Упорный труд и свежий воздух очень бодрят!

Внезапно женщина поникла, словно утомилась от своего бесконечного оптимизма. Большой Том протянул ей договор. Нам говорили, что взрослых детей могут взять в качестве работников, а не новых членов семьи, поскольку мы близки к совершеннолетию и, в теории, к независимости. Если бы Детское благотворительное общество подождало еще пару месяцев, Лайла могла бы остаться со мной, и во всей этой сумятице не было бы необходимости. Наклонившись, я положила бумаги на сундук, хранивший остатки моей былой жизни, и решительно поставила размашистую подпись, прежде чем вернуть документы мисс Пимслер.

Невзирая на мою неприязнь к этой женщине, в глубине души я понимала, что она поступала так, как считала лучше для нас. Просто так уж случилось, что она ошибалась.

– Прощайте, мисс Пимслер. Счастливого вам пути обратно в Нью-Йорк.

– Мы еще увидимся осенью, когда я вернусь, чтобы проверить ваше благосостояние, – ответила она и неожиданно посерьезнела. – Верити, дай этому началу заслуженный шанс. Постарайся прижиться на новой почве и расцвести.

Следуя за Везерингтонами, я думала о том, до чего глупо было бы пустить тут корни, учитывая, что я скоро уеду.

Я потащила сундук к бричке Большого Тома, оставляя неглубокие борозды на пыльной земле. Погрузив его, запрыгнула сама и прислонилась к боковому поручню из потрескавшейся древесины. Усталость накатывала волнами. Я зевнула и даже не потрудилась прикрыть рот. Если Большой Том и Хэтти хотели посмотреть на мои коренные зубы, чтобы понять, хороша ли их новая рабочая лошадка, то им выпала прекрасная возможность.

Большой Том сел, и тележка покатила вперед. Хэтти передала мне свернутый платок и баночку с водой.

– Ты наверняка проголодалась.

Она прихватила кусочек засоленного мяса и толстый ломоть свежего хлеба для мальчика, с которым планировала вернуться домой. Мне стало грустно, что я не могла разделить этот обед с Лайлой. Интересно, она уже поела? Я медленно жевала и изо всех сил пыталась не сомкнуть глаз, наблюдая, как крошечный городок Уилер становился все меньше и меньше, пока его не поглотило безграничное небо.

Грязная дорога, испещренная колеями от колес, вела к лесу, который я заметила раньше. Но стоило нам приблизиться к линии деревьев, как дорога резко оборвалась и пошла параллельно лесу в обоих направлениях. Я смутно задалась вопросом, почему тропа огибала его, вместо того чтобы идти насквозь. Возможно, жизнь тут была такой неспешной, что это едва ли имело значение.

Путь от города в неторопливом темпе лошади занял полчаса. Мы прибыли к ферме Везерингтонов, как раз когда сгустились сумерки. Низко над травой порхали светлячки, мигая зеленовато-желтым сиянием.

Большой Том остановил бричку перед выцветшим белым двухэтажным домом. В дороге у меня затекли ноги, и я неуклюже последовала за Хэтти по выжженной лужайке.

– Твоя комната на чердаке, – сказала она, открывая сетчатую дверь, и та недовольно заскрежетала на петлях.

Я пробормотала слова благодарности и поднялась за ней по скрипучим ступенькам в комнату с наклонным потолком. Хэтти вручила мне горящую свечу и пожелала доброй ночи.

– Хорошенько отоспись, девочка, – сказала она не терпящим возражений голосом, но при этом с ласковыми нотками. – А то ты с ног валишься.

Я кивнула, и она ушла. Тревога за Лайлу забрала всю мою оставшуюся энергию. Вдруг суровый мистер Либранд будет жесток к ней? Хватит ли мисс Мэйв храбрости защитить Лайлу от своего дяди?

Но даже мои переживания не могли выстоять под напором усталости, и я плюхнулась на кровать. Мое сознание быстро уясло, как огоньки светлячков в поле.

3

Воздух в темной комнате прорезал исполненный боли вой. Я села по струнке на кровати, адреналин стремительно растекся по телу.

На секунду я растерялась и не поняла, где я. Затем воспоминания о последних нескольких днях хлынули волной: я в Арканзасе, на ферме, куда меня взяли в качестве работницы. И судя по топоту на лестнице на чердак, у меня вот-вот начнется неожиданный обряд посвящения в новую работу.

Хэтти ворвалась в комнату как раз в тот момент, когда я вылезала из-под одеяла. Женщина хмуро посмотрела на огарок свечи, которая по-прежнему слабо горела на прикроватной тумбочке. Я забыла потушить ее перед сном.

– У нашей коровы начались роды, – Хэтти кинула сверток на кровать. – Тут рабочая одежда и сапоги. Одевайся как можно быстрее и беги в сарай.

С этими словами она стремительно ушла. Я застегнула платье с коротким рукавом, натянула сапоги, которые были великоваты, и бегом спустилась по лестнице, чувствуя волнительный трепет в груди. Распахнув сетчатую дверь, издавшую возмущенный скрип, выпрямила спину и пошла по усеянной каплями росы лужайке.

Небо укрывало тяжелое полотно звезд – крошечные точки сияли на чернильном фоне с синеватым отливом. В тусклом предрассветном свете на краю двора вырисовывался огромный сарай. Из-за рева, доносившегося из открытых дверей, создавалось впечатление, будто кричало само здание.

Я замешкалась на входе. В просторном помещении витал густой запах навоза и ржавый привкус крови. Большой Том сидел на грязном полу возле крупного черного животного и со знанием дела водил руками по раздутому животу. На колышке на дальней стене висел фонарик и слабо освещал вздымающийся бок коровы. Я видела их прежде, но только в качестве разделанной тушки. А вот с живым и дышащим существом встретила впервые.

По влажному воздуху раскатился еще один душераздирающий рев. Я круглыми глазами воззрилась на два маленьких копытца, торчащих из тела коровы.

Хэтти вышла из правого стойла с мотком толстой веревки на плече. Немного покачнувшись под ее тяжестью, женщина кинула веревку на пол рядом с мужем и подозвала меня.

– Теленок расположен ножками вниз. Придется вытаскивать, – сказал Большой Том, обвязывая конец веревки вокруг тоненьких ног, показавшихся из матери. Хэтти встала за ним. С учащенным дыханием я заняла место в конце. Большой Том кивнул, и мы потянули.

Корова застонала, и ноги теленка показались чуть больше. Затем появился кончик хвоста. Но при следующей попытке ничего не произошло. Лицо Большого Тома покраснело от напряжения.

– Ты можешь тянуть сильнее? – Хэтти оглянулась, и я увидела искреннее беспокойство на ее морщинистом лице.

– Я стараюсь, – прохрипела я.

Сквозь тяжелое дыхание коровы послышался топот бегущих ног. Уголкем глаза я заметила движение, и кто-то встал вплотную позади меня.

– Простите за опоздание, тетя Хэт, – произнес незнакомец низким и тягучим, как патока, голосом.

– Где ты был? – грозно, но с нескрываемым облегчением поинтересовалась Хэтти. – Я приходила, но тебя не было на чердаке.

Чуть повернувшись, я увидела высокого юношу с пшеничными волосами, который решительно намотал веревку на руки.

– Дела-дела, нужно было кое с кем повидаться, – беззаботно ответил он. – Ну что, на счет «три»? Раз... два... – На «три» мы дружно потянули на себя.

Теленок с потрясающей скоростью выскользнул на землю клубком из влажных конечностей. Измученная мать вытянула шею на грязном полу и тихо замычала. Дитя захныкало в ответ, и, выпустив веревку, я наконец-то выдохнула.

Светловолосый юноша снял фонарик и присел рядом с Большим Томом. Его коричневые штаны были чистыми, хоть и с заплатками на коленях. Расстегнутый ворот хлопковой рубашки, износившейся от частых стирок, открывал вид на загорелую кожу.

– Так, посмотрим, что тут у нас, – сказал он, развязывая веревку, после чего осторожно поставил неуклюжего окровавленного новорожденного на ноги. Взяв пустой мешок с пола, юноша вытер теленка, не переставая что-то приговаривать. Его широкие ладони умело и ласково поглаживали рыжую шерстку животного.

– С тобой все в порядке, приятель, не так ли? – Он посмотрел на корову, и его глаза смягчились от беспокойства. – Мы в два счета поставим твою маму на ноги. С вами все будет хорошо.

Внутри меня затрепетало удивление. Я не ожидала увидеть проявление такой нежности на ферме.

Юноша взглянул на меня и вскинул светлые брови.

– Ты новая помощница?

Я подумала о своем провале, и мой живот судорожно сжался. Большому Тому и Хэтти нужен был работник, который внесет реальный вклад в их дело. Увы, но до прихода этого юноши моей помощи было недостаточно. Нужно прилагать больше усилий. Это мой единственный шанс остаться с сестрой.

Я кивнула в ответ. Он пристально на меня посмотрел.

– Что ж, ты не такая, как я ожидал.

Я наблюдала за уходом Большого Тома и Хэтти, отмечая встревоженные нотки в их приглушенном разговоре.

– Я бы сказала, что ты такой не один.

– Я Абель Этчли. Я бы пожал тебе руку, но... – он показал ладонь, липкую от крови и бог знает чего еще.

Я приняла вызов и, взяв его за руку, трижды пожала ее для верности.

– Верити Прюитт. Приятно познакомиться.

Его губ коснулась улыбка. Я опустилась на пол рядом с ним, и моя юбка надулась. Теленок издал жалкое мычание и распластался на сене, его шишковатые коленки торчали под странным углом.

– Не переживай о нем, я сам справлюсь, – сказал Абель. – Можешь вернуться в дом.

Мне показалось, что я заметила игривый блеск в его глазах – тот же, что и у всех, кто в душе посмеивался над моим намерением стать врачом.

– Ты бы стал так говорить парню, которого все ждали? – грубовато поинтересовалась я. – Со временем и опытом я буду приносить не меньше пользы, чем ты.

– Я просто пытался быть вежливым, потому что ты новенькая. Дело не в том, что ты девушка. – Он достал платок из заднего кармана и, встав, вытер ладони. Затем отметил мой потрепанный вид и беспокойные руки.

– Если будешь так переживать по любой мелочи, то сведешь себя с ума.

Его слова были как соль на рану. Я встала в полный рост и с раздражением поняла, что все равно смотрю на него снизу вверх. Он никак не мог знать, что мой отец сумасшедший, но мой тон все равно прозвучал низко и опасно, подобно змее, что затаилась в траве:

– Нет ничего вежливого в издевках над чужим рассудком.

– Все янки такие обидчивые? – Абель наклонил голову и окинул меня оценивающим взглядом. – Я просто пошутил, не более. Слушай, нравится тебе это или нет, но мое предложение все еще в силе. Я сам позабочусь о матери и ее малыше.

– Мне не нужна твоя жалость. И, пожалуйста, не разговаривай со мной свысока. – Мой голос дрожал, как всегда, когда я злилась. Шумно выдохнув, я воззрилась на сарай и внезапно разозлилась от того, что теперь это – моя новая жизнь. Мое лицо стало непроницаемым. – Я здесь, чтобы работать. Не нужно со мной нянчиться.

Абель помрачнел.

– Ладно. Прости, что пытался быть дружелюбным. Больше я не повторю этой ошибки.

Я кивнула.

– Раз уж я застряла в этом месте, то отработаю свое содержание честным трудом.

– «В этом месте»? – его щеки зарделись под светлой щетиной. – А, теперь ясно. По-твоему, ты слишком хороша для жизни на ферме.

– Я определенно так не считаю! – возразила я. Абель фыркнул. – И не надо издавать такие звуки, как... как... как какой-то недовольный конь!

– Мнение о Уилере написано у тебя на лице, мисс Прюитт, – он замолчал на секунду и нахмурился. – И да, я умею читать. Мы не все тут безграмотные.

– Если ты чувствуешь, что в чем-то уступаешь мне, то это не моя проблема. Я уж точно не считаю себя лучше тебя или кого-либо другого.

Что, в лучшем случае, лишь отчасти правда. Мой живот скрутило от стыда, но я стояла на своем. Я мечтала стать кем-то больше, чем просто сиротой, работающей на ферме, и не собиралась за это извиняться.

Так мы и стояли друг напротив друга, со скрещенными руками и угрюмыми лицами, пока крики телят не отвлекли Абеля. Он снова почесал его за ушком и показал на пустое ведро.

– Ладно, тогда принеси воды для коровы и телят, а я пока заведу их в стойло.

Вернулась я с мокрым до колен платьем. Руки стали ватными от усталости, металлическая ручка оставила алую вмятину на нежной коже моей ладони. Я поставила ведро, и вода немного расплескалась. Абель снял передо мной воображаемую шляпу и согнулся в шутовском поклоне.

– Премного благодарен.

Я коротко кивнула и вышла из сарая.

Над верхушками далеких деревьев уже занимался рассвет; небо, начиная от горизонта, покрывалось мягким румянцем. Низкие облака ловили его сияние и откидывали на поля внизу. Интересно, проснулась ли Лайла, видит ли эту первую зарю нашей новой, неожиданной жизни? Медленно покрутившись, я впервые толком осмотрела местность.

Лужайка вокруг дома была с проплешинами – пыли больше, чем травы, – по всей территории, подобно грибам, выросли сарай и амбары разных размеров. На востоке, неподалеку от изборужденной грунтовой дороги, круг тонких яблонь образовывал скудный фруктовый садик. За ним пустырь, заросший травой с полевыми цветами, отделял землю Везерингтонов от леса, который я заметила прошлым вечером.

Других домов поблизости не было. При желании я могла с легкостью представить, что эта ферма – единственное обитаемое место на Земле. Помимо коз в загоне, бдительно наблюдавших за мной, я была абсолютно одна.

И мне это совсем не понравилось.

4

Быстро умывшись на улице, я прошла через заднее крыльцо на кухню.

Длинный стол, окруженный тремя стульями, стоял впритык к большой фарфоровой раковине и здоровенной плите. Я нырнула под чугунные сковородки, что висели на каркасе под потолком, и миновала стол, отметив табуретку рядом с одним из стульев. Полагаю, это моя.

Хэтти вошла через сетчатую дверь, обхватив рукой корзинку с яйцами. Увидев меня, она замерла; очевидно, мы обе не знали, что сказать.

– Простите, что не оказала вам должную помощь этим утром, – начала я. – Любой, кто хочет стать доктором, может вынести вид крови. Но, боюсь, мои мышцы не такие крепкие, как нервы.

При слове «доктор» Хэтти вскинула бровь и задумалась на пару секунд.

– Не будь к себе так строга, – наконец сказала она в своей привычной, как я уже поняла, бойкой манере. – В следующий раз справишься лучше.

Я выдавила улыбку.

– Надеюсь.

Хэтти заканчивала готовить завтрак, а я накрывала на стол. Скоро к нам пришел Абель с ведром молока с пенкой. Даже не глянув в мою сторону, он поставил молоко рядом с ледником и подошел к плите, чтобы своровать ломтик бекона.

– Вон! – воскликнула Хэтти, шлепнув его по руке.

Абель с довольной ухмылкой опустил на стул. Когда Хэтти повернулась, я заметила тонкий кожаный шнурок на ее запястье. На нем висели два камня: один гладкий, серо-голубого оттенка, а другой бугристый и коричневый. Ни один из них не соответствовал моему представлению о красивом украшении, но я все равно поинтересовалась, чтобы поддержать беседу:

– Где вы купили этот браслет?

– Ты про мой амулет? – грубые пальцы Хэтти потянулись к камешкам. – Он у меня с детства. Голубой речной камень приносит удачу, а камень из мочевого пузыря оленя защищает от болезней.

Хэтти казалась мне человеком рассудительным, и я никак не ожидала, что она станет жертвой суеверий.

– И что, они работают? – спросила я, прекрасно понимая, что нет.

Она пожала тощим плечом.

– Может, да, может, нет. Но, как мне кажется, навредить они точно не могут.

По опыту отца я хорошо знала, что вера в полеты своей фантазии вполне могла принести вред.

Я выдвинула шаткую табуретку как раз в тот момент, когда Большой Том неуклюже проковылял к столу и сел во главе. Хэтти заняла место в дальнем конце. Увидев, что они склонили головы, я последовала их примеру. В этом месте неожиданным образом переплетались фольклор с религией.

Молитва Большого Тома была короткой.

– Господи, благослови сию пищу, что насыщает наши тела, и наши тела, что верно служат тебе. И если будет на то воля твоя, пошли нам дождь. Аминь.

Хэтти с Абелем вторили ему. Когда я запоздало сказала «аминь», Хэтти уже передавала по кругу тарелку с воздушным хлебом. Я взяла ломтик и инстинктивно потянулась за вторым для Лайлы. Моя рука нелепо повисла в воздухе. Я вспомнила, что впервые за много лет не должна никого кормить.

– Мою сестру Лайлу забрала мисс Мэйв Донован. Как думаете, эта женщина будет хорошо к ней относиться? – спросила я, чем удивила саму себя.

Большой Том поднял взгляд от тарелки и медленно кивнул.

– Если кто и рожден для материнства, то это мисс Мэйв.

Сквозь мою грусть просочилось облегчение. По крайней мере, Лайла будет в хороших руках до тех пор, пока я не верну ее.

– Я чуть не упала замертво от шока, когда услышала, что старик Либранд разрешил ей взять малышку, – добавила Хэтти. – Безусловно, это лучший поступок, который он совершал.

– У них прекрасный дом, чтобы растить ребенка, – заметил Большой Том. – Они живут на опушке леса, примерно в двух милях отсюда. Красивая, большая усадьба. У старика Либранда полно денег.

Хэтти поджала губы.

– Думаю, все мы жили бы на широкую ногу, будь мы такими же скользкими, как мистер Либранд. Видят небеса, он плохо обращается с мисс Мэйв.

– Что вы имеете в виду? – мои пальцы сжались на салфетке, облегчения как не бывало. – Лайла в опасности?

– Ничего подобного. Я только хотела сказать, что старик Либранд держит мисс Мэйв на коротком поводке. Он владеет тремя четвертями округа и все равно заставляет бедняжку работать, – возмущенно сказала Хэтти.

Я отставила чашку на блюде, и она громко звякнула.

– Может, мисс Мэйв нравится преподавать. Может, она сама приняла такое решение, потому что работа приносит ей удовольствие.

– Возможно, – признала Хэтти, – но суть в том, что он не позволяет ей выйти замуж. Даже не сомневайся, у ее двери выстраивалась очередь из женихов, но он всех прогнал. Всех и каждого.

– Ходят слухи, что дядя грозил лишить ее наследства, если она когда-нибудь выйдет замуж, – встрял Абель. В ясном утреннем свете его глаза были такого же насыщенного синего оттенка, что и ипомеи, оплетавшие забор вокруг фермы. – Таких, как мистер Либранд, в газетах любят называть «бароном-разбойником». Звучит драматично, будто он какой-то пират. – Уголки моих губ невольно приподнялись. – На самом деле он просто угрюмый старик, приехавший откуда-то с востока, который заработал кучу денег на железнодорожном бизнесе. И еще ему принадлежат банки. Он часто путешествует, но никогда не берет с собой мисс Мэйв.

– Либранд заключил лучшую сделку в своей жизни, когда мисс Мэйв переехала к нему после смерти родителей, – сказала Хэтти. – Она готовит, убирает и составляет ему компанию. Никто в здравом уме не станет проводить с этим мужчиной больше пяти минут. Ясное дело, он не хочет ее отпускать.

– Я бы хотела проведать сестру, – и увидеть собственными глазами, что мистер Либранд не обижал Лайлу. – Можете не выдавать мне лошадь, я привыкла ходить пешком. – Хэтти помрачнела, и я поспешила продолжить: – Я не прошу дать мне выходной. Если одолжите фонарик, я отправлюсь к ним вечером, после работы. Темнота меня не пугает.

Большой Том с Хэтти обеспокоенно переглянулись.

– Лучше держаться подальше от леса, – пророкотал мужчина.

Хэтти спешно добавила:

– Я собиралась послать завтра Абею в город, но если ты хочешь поехать вместо него, я не против. Можешь заехать в школу на обратном пути и пообщаться с сестрой, – она кривовато улыбнулась, словно не помнила, как это делается, зато искренне. – Но не задерживайся на весь день! – предупредила женщина, собирая посуду. – У нас накопилось слишком много работы.

– Да, мэм, – согласилась я и подошла к раковине, чтобы помочь ей.

Большой Том ушел, громко топая ботинками по половицам. Абель последовал за ним, кинув на меня взгляд напоследок. Я старательно делала вид, что ничего не замечаю. Когда я

вытерла последнюю тарелку, Хэтти скрылась в крошечном чулане и вернулась с драной соломенной шляпой.

– Чтобы ты не сгорела на солнце.

Я надела ее, и в нос ударил запах пота и сена.

– Куда мы идем?

– К кукурузному полю, и хорошо бы поспешить. Мужчины уже поехали туда на тележке.

Они ждут нас.

Водрузив на голову собственную шляпу, Хэтти распахнула заднюю дверь и замерла на полушаге, опустив взгляд. Я подошла ближе и заглянула ей за плечо.

На крыльце, прямо у порога, лежала ровная линия глянцево-зеленых веток с оранжевыми ягодами. Нахмурившись, Хэтти осторожно переступила через них. Я последовала за ней, и моя шляпа задела что-то на притолоке. Подняв голову, я обнаружила связку сухих цветов. Они были обвязаны бечевкой и висели лепестками вниз. Я потянулась к ним, подавшись любопытству.

– Оставь их, – быстро сказала Хэтти, пробегая взглядом по двору.

– Что это за цветы?

– Календула и облепиха, – она резво пересекла крыльцо и спустилась по ступенькам. –

Они для защиты. От злых духов, порчи и тому подобного.

– Откуда они здесь?

– Наверное, Большой Том принес. – Женщина встревоженно прищурилась, и морщинки вокруг ее глаз углубились. Будто она не верила собственным словам. – Лучше не трогать их.

Я решила закрыть тему и окинула взглядом зеленые просторы вокруг. Это, конечно, не дом моей мечты, но никто не мог отрицать, что это уединенное место внушало умиротворение. И с чего Хэтти взяла, что сюда явятся темные силы?

Я неуклюже топала за ней в позаимствованных сапогах. У Хэтти размер ноги побольше моего, и из-за скомканной газетной бумаги, которой я набила носки, ходить было неудобно. Мы шли в молчании; наши тени – тонкие черные полосы на покрытой росой земле – плыли рядом. Я столько раз мечтала, чтобы Лайла прекратила свою бесконечную болтовню, но в компании тихой Хэтти я, как никогда, скучала по младшей сестренке.

Мы прошли по тропинке через пастбище к краю кукурузного поля. Некогда яркие стебли высохли под солнцем и шелестели на слабом ветру. Кукурузные рыльца, торчащие из увядших листовых оберток, были коричневыми и скомканными, как лапки раздавленного паука.

– Жара уничтожила урожай прежде, чем мы успели собрать его для еды, – сказала Хэтти. – Но сухие початки тоже пригодятся. Большой Том соберет немного на зиму, чтобы было чем кормить скот, а остальное мы перемелем в кукурузную муку.

Большой Том завел ушастого мула, запряженного в тележку, на несколько ярдов в глубь поля, а мы с Хэтти пошли по затененным рядам. Грузный фермер с предельной осторожностью опустился на землю и проворно отламывал початки, после чего закидывал их за высокие деревянные бортики тележки. Я потянулась к кукурузе. Стоило пальцам сомкнуться на хрупких обертках, как длинный сухой лист порезал внутреннюю часть моего оголенного предплечья. Я зашипела от боли и накрыла ладонью тонкий порез.

– У тебя там все нормально? – Абель спрыгнул с тележки. – Эти листья режут не хуже ножа, когда высохнут.

Я натянула рукав на порез.

– Пустяки.

Абель наклонился, чтобы собрать кукурузу, которую повалила проезжавшая тележка.

– Можешь помочь мне, – предложила Хэтти, двигаясь в противоположную сторону от высоких стеблей, за которыми скрылся Большой Том.

Она нагнула стебель и схватила початок. Затем прокрутила его сильными руками, и он оторвался с громким треском.

– От нижних рядов ужасно болит спина, – женщина показала на Абеля, который в согнутом положении отламывал початки на уровне земли. – Особенно у новичков.

Юноша выпрямился с полной охапкой кукурузы и, проходя мимо, многозначительно на меня посмотрел.

– Я помогу ему с нижним рядом.

Абель погрузил урожай в тележку и повернулся ко мне.

– Твои мышцы взвоят ровно через десять минут. Уверена, что хочешь этим заняться?

Он вернулся к работе, упавшие стебли хрустели под его ногами.

Я встала с ним плечом к плечу.

– Уверена.

Прогнозы Абеля были еще щедрыми. Уже через пять минут мышцы моей спины и плеч оскорбленно, разгневанно свело судорогой, и так продолжалось все то время, что мы торчали в поле. Солнце безжалостно жарило спину сквозь тонкое платье. Пот жалил глаза, стекал по лицу и увлажнял потрескавшиеся губы. Вскоре я начала получать наслаждение от тех кратких мгновений, когда тележка переезжала на новое место, поскольку это давало мне повод выпрямиться хотя бы на пару минут.

В конце концов Большой Том окинул поле изучающим взглядом и объявил, что мы закончили. Я чуть не осела на землю от облегчения.

– Неплохо, как для первого раза, – по-доброму сказал он. Я даже не сомневалась, что это утешительная ложь. Своими ловкими руками Абель собрал три четверти початков с нижних рядов. Большой Том снял флягу с шеи и передал мне. – Чуть дальше по тропинке, прямо за тем холмом, бежит родник. Можешь набрать воды?

Я нашла маленький ручей и наполнила флягу чистой водой. Первый глоток немного приободрил меня. Уже почти пришло время помогать Хэтти с ужином. Все это мне чуждо и неловко, но одно отрицать невозможно: этот изнурительный день начался с превосходного завтрака, и я надеялась, что вся фермерская еда будет не менее вкусной. Я ускорила шаг, словно таким образом могла подстегнуть этот день быстрее закончиться.

Свернув по дороге и примяв сапогами сухую траву, я резко замерла при звуке рассерженного голоса Хэтти.

– Вот где ты был этим утром, когда я обнаружила твою пустую кровать?

Нет, не рассерженный. Взволнованный.

Я спряталась за кизил с нежно-розовыми цветами и изучила напряженную сцену перед собой. Большой Том грозно смотрел на Абеля, а тот прислонился к тележке, потупив взгляд в покрытую трещинами землю. Хэтти расхаживала перед ним.

– Бога ради, Абель, почему ты не рассказал обо всем раньше? Мы же семья!

– Я хотел, – перебил он высоким, озабоченным голосом и потер затылок. – Но это мое бремя, а не ваше.

– Я понимаю, ты считаешь своим долгом помочь в данной ситуации, но есть способ и получше. – Большой Том тяжело вздохнул, словно сами эти слова до смерти его изматывали. – Когда родится ребенок?

Мои брови подскочили вверх. Я смахнула капельку пота со лба.

– Скоро. Она только и говорит о свадьбе, но этого не произойдет. – От насмешки в его словах во мне заурлила злость. – Нам нужны деньги, но я не хотел, чтобы вы чувствовали себя обязанными внести свою долю, поэтому мы держали все в секрете.

– Готова поспорить, что твоя мама вне себя от ярости, – сказала Хэтти. – Ну, теперь ясно, почему мы так редко видим ее в последнее время. Наверное, она не хотела, чтобы я начала подозревать что-то неладное.

Даже упоминание матери не смягчило каменное выражение лица Абеля.

Хватит с меня. Я вышла обратно на тропинку и намеренно громко затопала. Когда все обернулись, встряхнула флягу.

– Кто-нибудь хочет пить? – Я постаралась придать себе вид бесхитростного человека, который *точно* не подслушивал их минуту назад.

Большой Том забрал у меня воду и, даже не отхлебнув, залез на повозку.

– Пора возвращаться.

Хэтти села рядом с ним на лавочке. Абель пристроился на краю высокого бортика, поджал губы и мрачно воззрился на поле.

Мне досталось не самое удобное место – на кукурузе в кузове. Мой взгляд невольно скользнул к Абелью. К моему удивлению, Хэтти повернулась и сжала его плечо.

– Мы пройдем через этот сложный период, – тихо произнесла женщина.

Я принялась вычищать грязь из-под ногтей. Достоин ли восхищения то, что, как семья, они сочувствовали Абелью, хотя он определенно неправ? Девушке, которая вынашивала его ребенка – и на которой он отказывался жениться, – потребуется такая же поддержка перед лицом неопределенного будущего. Говорят, свое дитя и горбато, да мило.

Возможно, я немного завидовала Абелью.

Разумеется, это не их вина, но людей, на которых я должна полагаться в трудную минуту, не было рядом.

Часами она шла по выбеленным снегом полям и долинам. Порывистый ветер просачивался сквозь тонкую сорочку и заплетал темно-рыжие волосы петлей на шее. Босые ноги – бледные, как у трупа, от подступающего обморожения – с треском давили хрупкую ледяную корку. Весь день она не видела ничего, кроме мерцающей белизны; не чувствовала ничего, кроме черной сокрушающей утраты.

В какой-то момент снегопад прекратился. Девушка сморгнула хрустальные снежинки с ресниц и равнодушно побрела в никуда. Опустившись на колени под небом, залитым сумеречной синевой, приготовилась уснуть и больше никогда не проснуться. Это принесло неизмеримое облегчение.

Как вдруг к ней воззвал лес. Что-то притягивало ее израненное сердце – пробирающий до глубины души зов, который привлек ее внимание к темной роце. Девушку охватила уверенность. В этом лесу ждало прекрасное забвение.

Она с усилием встала и поплелась к границе деревьев.

Голые ветви тянули скрюченные пальцы к небу, пытаясь опустить на себя ночь. Она шла будто во сне сквозь безмолвный лес, пока, наконец, не нашла то, что манило ее.

На поляне посреди чащи стоял круг из замшелых, серо-зеленых камней.

Девушка провела пальцами по холодной поверхности и взглянула в блестящее черное око посредине. Подобно теплomu дыханию, ее обдало ощущением, что она все делает правильно.

Взявшись за распадающийся край, она поднялась на бортик высотой до колена. Кровь стекла по ее ноге и забрызгала камень, как возмутительное алое напоминание о том, что послало ее в бурю.

Девушка закрыла глаза, подумала о своей малышке. О нем. И шагнула в пустоту, что встретила ее с распростертыми объятиями.

5

После кукурузного поля остаток дня я пропахивала огород и копала картошку. «Она еле на ногах держится», – пробормотал Большой Том, когда я наконец медленно поднялась на душный чердак. Рухнув на кровать, я мимолетно забеспокоилась о Лайле, но сон быстро стер все мысли из головы.

Посреди ночи мышцы моего тела объединились, чтобы поднять бунт против несправедливых условий труда. Следующим утром на завтрак я не шла, а ползла; такой крепатуры у меня отродясь не было. Скривившись, я опустила на табуретку и посмотрела на пустой стул Абея.

– У Абея семейные дела, – объяснила Хэтти и поставила передо мной сковородку со скворчащей картошкой.

Я принялась уплетать за обе щеки, не дожидаясь, пока та остынет. Судя по вкусу, картошка жарилась на жире от бекона – ингредиент, который по праву претендовал на звание лучшего в мире.

– Надеюсь, ничего серьезного? – невинно поинтересовалась я.

– Время покажет. – Хэтти затянула потуже веревочки передника и сделала то, что получилось у нее лучше всего: начала раздавать указания. – Я расписала твои задания на день.

Она выложила список, и от его вида у меня преждевременно заныла спина.

– Починим восточный забор и отправишься в город. В галантерею пришла партия муки и соли – купи по пять килограммов каждой. Затем можешь съездить в школу и повидаться с сестрой, если мисс Мэйв не будет возражать.

Я в мгновение ока позабыла о своих болячках.

– Спасибо, Хэтти!

Собственная эмоциональность привела меня в замешательство. Я замолчала и на секунду закрыла глаза, чтобы подавить слезы.

Женщина быстро кивнула. Что-то мне подсказывало, что она так же не привыкла принимать благодарность, как я – выразить ее.

– На Леди Мэй ты доедешь быстрее. Она очень ласковая и знает дорогу, – Хэтти внезапно нахмурилась. – Только никуда не сворачивай, ясно?

Я согласилась, хоть и не поняла, к чему это предупреждение.

Починив ограду из колючей проволоки, я с видом человека, который сразился с дикой кошкой и проиграл, пошла за Везерингтонами к сараю.

Большой Том оседлал для меня соловую кобылу, и я настороженно воззрилась на нее, потирая исцарапанные руки.

Дома я почти всюду ходила пешком. Последний раз мы с лошастью находились в такой близости на шестой день рождения моей подруги: тогда я погладила пони по носу, и он чихнул мне в лицо. Вышло неожиданно и влажно – не самый приятный опыт. С тех пор я не доверяла всем представителям семейства лошадиных. Большой Том подсадил меня, и с горем пополам мне удалось сесть боком в седле. С широкой спины Леди Мэй до земли казалось поразительно далеко. Я крикнула на прощание, поскольку слишком боялась выпускать поводья из рук, и покинула ферму.

Примерно спустя милю я расслабилась. Леди Мэй шла в спокойном, размеренном темпе. Легкий ветерок всколыхнул лужайку у дороги, сгибая траву в подобии морских волн. Над широкими полями пели птицы, испуская высокие счастливые трели. Даже теплый мускусный запах лошади не раздражал мне нос, пока мы ехали по грунтовой дороге, что огибала лес.

Мой взгляд прошелся по густым деревьям. Прямые, почти черные стволы плотно выросли рядом друг с другом. Мне вспомнились решетки на окнах папиной палаты в психиатри-

ческой лечебнице и, несмотря на жаркую погоду, по спине пробежал холодок. В какой-то мере я даже испытывала признательность за воинственно палящее солнце.

В Уилере я привязала Леди Мэй к коновязи и, следуя указаниям Хэтти, направилась к галантерее.

Колокольчик на входе звонко возвестил о моем прибытии. Я обошла крупную бочку, из которой прутьями вверх торчали метлы на продажу. Под потолком висела ровными рядами блестящая латунная кухонная утварь, в помещении витал едкий запах табака и сладкий, пикантный аромат имбирного печенья. Вывески на грубых дощатых стенах рекламировали керосин и жевательный табак «Нэви Стар». Полка под плакатом, что расхваливал полезные свойства хинина в борьбе с простудой, была заставлена тониками и горькими настойками.

– О, привет! – послышался ясный и приятный голос с задней части галантереи.

Я заметила девушку, протиравшую пыль со стеклянного прилавка, и узнала в ней ту, что помахала мне с коляски шерифа. Теперь, когда она была без шляпы, я увидела, что у нее потрясающие волосы. Черные и блестящие, они были высоко зачесаны к макушке и спадали в элегантно скрученный пышный пучок. Я с секундным опозданием стерла все эмоции с лица.

Ее рука взметнулась к прическе.

– Тебе нравится? Мама сказала, что «крысы»¹ – последний писк моды. Хотя ты и сама наверняка об этом знаешь, ты же из большого города.

О да, о нью-йоркских крысах я знала все. Мы с Лайлой недолгое время снимали крошечную квартиру на Малберри-стрит, и там в стенах жила целая колония. Мне приходилось хранить столовые приборы в плотно закрытой банке из-под табака, иначе по утрам на вилках можно было обнаружить помет.

– Э-э... я...

– Я тоже не понимаю, почему их называют «крысами», – посмеялась девушка, неверно истолковав мое замешательство. – Думаю, «шиньон» вполне подходящее слово, хотя, возможно, у многих оно ассоциируется с мужскими париками. – Она сморщила нос. – Впрочем, как по мне, это все равно лучше, чем «крысы».

– Да! – чуть ли не прокричала я, наконец вникнув в разговор. – Полностью согласна. И ты прекрасно выглядишь.

И это правда, даже несмотря на перебор с прической. Ее карие глаза сверкали, щеки заливал очаровательный румянец, в отличие от моих, – они-то наверняка покрылись красными пятнами от езды по жаре.

– Я могу показать, как сделать такой же шиньон. Нужно всего-то собрать волосы с расчески и смотать их в небольшой пучок.

Меня не особо привлекали прически, из-за которых низкие дверные проемы превращались в потенциальную опасность, но с ее стороны все равно было любезно предложить.

– Вряд ли мне пойдет. Мои волосы очень упрямые и живут собственной жизнью.

Она наклонила голову вбок, а затем проворно перегнулась через прилавок и сняла с меня шляпу. Я удивленно заморгала, а девушка принялась разглядывать мои прилизанные, жесткие каштановые волны, как архитектор – здание под снос.

– Все не так уж плохо, – вынесла она вердикт после некоторых раздумий. – Увы, мне жаль об этом сообщать, но здешняя влажность ничуть тебе не поможет. – Девушка надела на меня шляпу и пригладила косу, словно мы старые подруги. – Боже милостивый! Совсем забыла о приличиях. Я – Делла Лофтис.

Она обошла прилавок и протянула хрупкую руку. Я осторожно ее пожала; собственная ладонь внезапно показалась крупной и неуклюжей.

¹ В Америке так называли валик под высокой женской прической.

– Послушай, мне жаль, что мой отец вел себя подобным образом, когда вы прибыли в Уилер. У тебя было полное право расстроиться из-за разлуки с сестрой, да еще и такой неожиданной.

– Ничего страшного, – пробормотала я, заливаясь краской. Не знала, что Делла наблюдала за моей истерикой на главной площади.

Я оглянулась, пытаюсь сменить тему, и заметила семейный портрет цвета сепия на стене. Угрюмый шериф Лофтис стоял рядом с симпатичной женщиной, которая держала на коленях младенца с серьезным лицом. За ее плечом была юная Делла, сверкавшая беззубой улыбкой.

– Какая милая фотография! Это магазин твоей семьи?

– Ага. В основном им управляем мы с мамой, так как папа занят работой, – она покрутила метелкой для пыли. – До меня дошли слухи, что ты теперь живешь у Везерингтонов. Они хорошие люди. Готова поспорить, что миссис Хэтти послала тебя за покупками.

– Мне нужно по пять килограммов муки и соли. – Я вручила ей деньги, которые дала мне Хэтти.

Делла открыла кассу, чтобы отсчитать мне сдачу, и та громко звякнула.

– Я также слышала, что твою сестру забрала мисс Мэйв, – радостно продолжила она. – Это замечательно, что вы приехали сюда и можете начать все сначала.

Делла ушла в подсобку и вернулась с двумя холщовыми мешками с заказом Хэтти. Затем перевязала их бечевкой, и на ее левой щеке появилась ямочка от улыбки.

– Если я могу что-то сделать, чтобы ты почувствовала себя здесь как дома, непременно сообщи мне, ладно?

– Спасибо, я ценю это, – я неловко подняла мешки. – Ну, мне пора. Хочу ненадолго заехать в школу к сестре, прежде чем вернуться на ферму.

– Подожди секунду, я дам тебе что-нибудь, в чем их можно нести. – Делла поискала под прилавком и передала мне потертую кожаную сумку. – Это Абея. Уверена, вы уже знакомы.

Должно быть, она не заметила, с каким напряжением я кивнула, и продолжила без намека на смущение:

– Мы с Абедем с детства были неразлейвода.

Ее щеки зарумянились пуще прежнего. Я быстро опустила взгляд на ее узкую талию. Нет, это точно не будущая мать. Похоже, Абель времени зря не терял.

– В общем, иногда я забираю его книги с почты, так что он оставляет сумку здесь. Вечно заказывает что-то новое! Он всегда мечтал стать учителем, если дяде с тетей не потребуется его помощь на ферме. – Делла рассеянно намотала выбившуюся прядь на палец. – Перед твоим приходом я как раз собиралась отнести кое-что одной вдове, которая живет за городом. Школа мне по пути, так что я покажу тебе дорогу, если хочешь.

– Спасибо, было бы чудесно.

Я спрятала покупки в сумку Абея, а Делла взяла корзинку с хлебом и закатанными фруктами. Перевернув табличку «Закрывается» на двери магазина, она вывела меня под палящее солнце. Мы сделали небольшую остановку, чтобы прикрепить сумку к седлу Леди Мэй – я также прихватила ручку и бумаги Лайлы, которые она оставила в сундуке, – и пошли по тротуару.

Делла здоровалась со всеми прохожими по именам, и те отвечали взаимностью. Мне же доставались вежливые кивки и улыбки, пока мы не встретили долговязого юношу, с виду нашего ровесника, который перебежал площадь от здания суда и пожал мне руку, словно представлял в одном лице всю приветственную делегацию.

– Я Джаспер Осбрукс. Просто хотел сказать, что мы все очень рады видеть тебя в Уилере. Ты, должно быть, Верити.

– Так и есть. Как ты узнал?

– Мой отец – мэр. Я видел список с именами и возрастом всех детей. Жаль, что вас с сестрой разделили. – Он откинул со лба копну русых волос. Пожав узкими плечами, добавил: – И еще мне жаль, что мы вечно лезем в чужие дела. В маленьких городках всегда так, понимаешь?

– Буду знать.

После анонимности, которую давал многомиллионный город, меня немного обескураживало, что теперь незнакомцы знали все подробности моей жизни.

– Приходи завтра на окружную ярмарку, – пригласил Джаспер.

Делла пришла в ужас, узнав, что я раньше не посещала подобные мероприятия.

– Господи, ты многое упустила! – воскликнула она. – Там будут и скачки, и выставка животных, и, быть может, даже бейсбол. Как-то раз к нам приехал мужчина из Техаса и боролся с гремучими змеями в загоне. Это самое важное событие года, наряду с фестивалем мороженого.

– Если хочешь, я покажу тебе окрестности, – предложил Джаспер. – Это хорошая возможность познакомиться с местными.

Я не собиралась надолго задерживаться в Арканзасе, и все, кого я здесь встречу, скоро станут частью прошлого. Но почему бы между тем не насладиться прелестями лета в провинции?

– Ладно, я спрошу у Везерингтонов, планируют ли они туда пойти.

Делла начала размахивать корзинкой, тонко намекая, что хорошо бы уже двинуться в путь. Джаспер все понял.

– Что ж, мне пора возвращаться. Меня взяли в налоговое управление после того, как я окончил школу. И да, вам не кажется, это действительно чертовски скучно, – он улыбнулся и сошел с тротуара. Уходя, бросил через плечо: – Кому ты сегодня доставляешь?

– Бабушке Ардит, – ответила Делла. – И раз уж на то пошло, тебе нужен отвар или какой-нибудь амулет? – Мне она объяснила, словно нечто вполне обыденное: – Время от времени бабуля Ардит занимается чарами, если ее вежливо попросить.

– Она странная, но милая, – добавил Джаспер. – Она зачаровала мне камень, чтобы избавиться от жара, когда я обжег руку о плиту прошлой зимой. – Его лучезарная улыбка потускнела. – Делла, я до сих пор не понимаю, как ты можешь к ней ходить. Ее дом прямо у леса! У меня от этого мурашки по коже.

Не вдаваясь в подробности, он помахал и побежал через дорогу. Прежде чем я успела спросить о так называемых способностях этой старушки или что Джаспер имел против леса у ее дома, Делла показала на небольшое красное здание в нескольких ярдах от улицы.

– Однокомнатная школа Уилера, – объявила она. – Наверное, тебе она покажется старомодной, но школа действительно хорошая. И мисс Мэйв очень умна.

– Спасибо за помощь, – поблагодарила я и, позабыв о местных суевериях или хижинах у леса, ступила на пыльную тропинку к зданию.

– Всегда рада! Надеюсь, увидимся на ярмарке. – Делла пошевелила пальцами на прощание и пошла в противоположном направлении. – Когда встретишь Абея, передай ему привет!

6

Я подошла к открытой двери в школу и сразу же услышала скрип отодвигаемых стульев – началась обеденная перемена. Наружу выбежало около двадцати учеников разных возрастов с корзинками в руках. Пока они пронеслись мимо, я высматривала, не подпрыгивал ли кто при ходьбе – это выдало бы Лайлу. Но ее не было среди групп, что собрались поесть, покричать и посмеяться.

Я зашла внутрь и увидела ее за учительским столом; она обедала с новым опекуном.

Заметив меня, Лайла подскочила, и содержимое ее корзинки рассыпалось по столу. Сестра побежала обнимать меня, и я еле устояла на ногах, чуть не выронила ручку и бумагу. От облегчения закружилась голова.

– Я так рада, что ты пришла, Верити! – воскликнула она, сжимая мою талию. – Мисс Мэйв слышала, что ты теперь живешь на ферме. Ты же ничего не знаешь о животных и сельском хозяйстве! Тебя никто не покусал? Ты в порядке?

– В полном, – пробормотала я в ее волосы. – Боже, ты сжимаешь меня сильнее, чем корсет!

Она немного ослабила хватку, но мы не отпускали друг друга. В конце концов я передала Лайле перьевую ручку и черновик ее рассказа.

– Ты оставила их в сундуке. Дай знать, когда закончишь свою историю. Хочу почитать про облака из сахарной ваты и все такое.

– Договорились. – Лайла подняла верхнюю часть ближайшей парты и спрятала вещи.

– И снова здравствуй. – Мисс Мэйв подняла на меня светлые глаза. Губы невольно растянулись в ответной улыбке. И вновь меня поразила ее безупречная фарфоровая кожа; такой бледной я не видела ни у кого в этом солнечном округе. Ее красота – холодная и сверкающая, как чистое серебро – полностью отличалась от теплого очарования Деллы. Мисс Мэйв передала Лайле яблоко. – Надеюсь, ты хорошо обустроилась у Везерингтонов.

– Мне еще многому нужно научиться. – Как ни странно, откровенничать с учительницей было легко. Что-то в ней располагало к беседе. – Везерингтоны делают все возможное, чтобы я чувствовала себя как дома, но, боюсь, на данный момент от меня больше проблем, чем пользы.

Я потупила взгляд в начисто выметенный пол, не зная, что еще сказать.

– Думаю, я понимаю, каково тебе, Верити. Я была примерно твоего возраста, когда дядя Рубен взял меня к себе. Мои родители и дорогая сестра Аврелия скончались от эпидемии гриппа. Я не знала ни души в этом городе, но меня приняли как свою. Ты тоже найдешь здесь свое место, нужно лишь немного подождать.

Мисс Мэйв коснулась тонкой рукой моей щеки. Я замерла от прикосновения ее прохладных пальцев, неожиданный жест сменил легкий тон нашего разговора.

– Я знаю, девушке твоего возраста трудно в это поверить, но со временем все наладится само собой, – ей было не больше тридцати, но она говорила как человек, который прожил намного дольше. – Будь к себе снисходительнее. Ты пережила много потрясений и перемен за последние несколько дней.

– Верити нравится всем заправлять, – Лайла протерла яблоко юбкой и с хрустом впиалась в него зубами. – Она постоянно планирует все наперед.

– В этом нет ничего плохого, – ответила мисс Мэйв. – Нельзя позволять другим людям командовать твоим кораблем. Вдруг они пустят его ко дну?

Я неуверенно рассмеялась. Мистер Либранд полностью контролировал жизнь мисс Мэйв, а моя судьба, похоже, решалась всеми, кроме меня.

– Вы пойдете на ярмарку? – поинтересовалась я. – Мы могли бы прогуляться вместе.

– Может, заглянем ненадолго. На ярмарке слишкомлюдно и шумно, боюсь, подобные развлечения совсем не в моем вкусе, – мисс Мэйв сложила руки на талии. – Но почему бы тебе не прийти к нам в гости на воскресный обед? Ты посмотришь на новый дом Лайлы, да и мы познакомимся поближе.

– С большим удовольствием.

– Тебе понравится, Вери! – Лайла захлопала в ладоши. – Мисс Мэйв приготовила мне столько подарков! У меня целый ящик с лентами для волос. Не волнуйся, я поделюсь. – Она посмотрела на мою неопрятную косичку и сморщила нос. – Ты по-прежнему расчесываешься перед сном? А то не похоже.

– Ну прости, язвочка мелкая, – я прикрыла ей рот ладонью и засмеялась. – Это я – старшая сестра. Я говорю, что тебе делать, а не наоборот.

В ответ Лайла лизнула мне ладонь. Я взвизгнула от неожиданности, а сестра разразилась хохотом.

– Лайла, – по-доброму и в то же время строго обратилась мисс Мэйв. Лайла поджала губы и круглыми глазами воззрилась на нее. – Сначала думай, потом делай. Помнишь, что я сказала на уроке этим утром? Каждый наш выбор помогает сформировать характер.

– Да, мэм, – ответила Лайла, вырисовывая носком ботинка круг на полу. – Простите.

– Перед сестрой извиняйся. Это с ней ты повела себя плохо.

– Да это пустяки. – Я даже не знала, что зацепило меня больше: что кто-то чужой взялся за воспитание и обучение Лайлы или то, что моя буйная, неукротимая сестра в кои-то веки прислушалась. – Она делала вещи и похуже. Помню, как-то раз к ней в руки попал ночной горшок...

Мисс Мэйв показала ладонью, чтобы я остановилась.

– В будущем Лайла будет куда учтивее. Не так ли?

Та кивнула, и я заметила облегчение на ее лице от того, что она снова впала в милость мисс Мэйв. И это Лайла, которая связала шнурки моей обуви и оплела моими волосами изголовье кровати, пока я спала. Моя докучливая, приставучая, склонная к проделкам сестра. Она благодарно улыбнулась мисс Донован.

– Да, мэм.

– А теперь прошу меня простить, но пора звать детей на урок. Лайла, не забудь убрать еду со стола, – сказала мисс Мэйв и пошла звонить в колокольчик.

– Скоро увидимся. Прости, что я так быстро убегаю, но мне нужно кое-что доставить миссис Везерингтон.

– Все нормально, – Лайла снова крепко меня обняла. – Пока, Вери.

Она села за парту, и моя улыбка потускнела. На самом деле это замечательно, что она приспособилась к новой жизни. Но обязательно было делать это так быстро?

Я вернулась к Леди Мэй со смешанными эмоциями и поехала к ферме. Примерно с четверть мили дорога шла прямо к лесу, а затем сворачивала на север, огибая его по периметру. Я то и дело косилась на деревья; казалось, мне почти удалось что-то разглядеть среди густых теней. Только я убедила себя, что все это глупости, как вдруг Леди Мэй резко подняла голову, замерла и уставилась на лес. Мышцы ее шеи дрогнули, и она начала нервно переминаясь.

– Эй, тише, тише, – спокойно сказала я, надеясь, что она не чувствует моей тревоги. – Все хорошо.

Леди Мэй наострила уши. Заржав, ударила копытом по земле и попятилась от деревьев. Ее зрачки сузились до маленьких точек на фоне белков.

– Так, послушай-ка сюда, – обратилась я строгим тоном, который бесчисленное количество раз использовала с Лайлой, чтобы показать, кто тут главный. – С тобой все хорошо, ясно?

Я зажала поводья одной рукой и погладила лошадь, чтобы обнадежить ее.

Испуганно фыркнув, Леди Мэй опустила голову и взбрыкнула. От неожиданности я разжала ладонь и скользнула вбок. Попыталась нащупать потными пальцами хоть какую-то опору, но зацепилась лишь за парочку прядей лошадиной гривы и при следующем взбрыкивании взлетела в воздух.

Я упала на землю. Перед глазами потемнело от удара. Я часто заморгала и пришла в чувство как раз в тот момент, когда испуганная кобыла повернулась и встала на дыбы. Лучи солнца блеснули на подкове над моей головой. Копыта врезались в землю в сантиметре от меня. Я даже не вскрикнула, из легких выбило весь воздух, а вот Леди Мэй, исполненная ужаса, громко заржала. В лицо брызнул гравий, лошадь крутанулась и поскакала галопом прочь.

Когда небо перестало кружиться, я села и посмотрела вслед ее удаляющемуся силуэту. На затылке назревала приличная шишка. Я осторожно коснулась ее и скривилась. Оставалось надеяться, что у меня нет сотрясения. Неподалеку лежала открытая сумка, из которой вывалились мешки с солью и мукой, но, к счастью, бечевка полностью не развязалась.

С раскальвающейся головой я собрала покупки. В бедре пульсировала боль. Я поднялась на дрожащих ногах и сделала несколько неуверенных шагов. При каждом в ногу мучительно постреливало.

Я с усилием сосредоточилась, несмотря на боль и тревогу, от которой сводило желудок, что я потеряла лошадь Везерингтонов. Быть может, Леди Мэй самостоятельно вернется на ферму – поскакала она в нужном направлении, – но невозможно предугадать, как себя поведет испуганное животное. Нужно предупредить Большого Тома и Хэтти, что она сбежала. Но дорога до дома займет вечность с поврежденной ногой. К тому времени, как я доберусь до Везерингтонов, от Леди Мэй и след простынет.

Я остановилась и прищуренным взглядом посмотрела на темный лес. Пройти через него будет гораздо быстрее, чем огибать по проторенной дороге. Деревья не могли тянуться дальше чем на четверть мили. Я в два счета пересеку лес и снова выйду на тропу к ферме. Если повезет, то по пути встречу лошадь.

Сжав челюсти, я сошла с дороги и побрела через заросли травы по колено, пока не очутилась у края леса. Из его темных глубин подул прохладный ветерок и разметал пряди волос вокруг лица.

Пара шагов – и вот уже солнце осталось позади, а впереди – только мрачный лес.

Жара отступила, как только я спряталась под раскидистыми ветвями. Под густым покровом опавшей листвы проглядывал бархатисто-изумрудный мох. Папоротники закрывали собой низкие ветки и светились в зеленоватых лучах, что просачивались сквозь высокие кроны деревьев. Я вдохнула запах влажной земли и обрадовалась прохладе.

Какое-то время я не замечала необычную тишину леса. А затем в один миг та стала чуть ли не осязаемой за моей спиной. Ни намек на шорох птиц на верхушках деревьев или шелест листвы от ветра. Внезапно мои шаги прозвучали слишком громко. Я прижала к себе сумку и, не обращая внимания на боль в бедре, пошла быстрее.

Ближе к центру леса деревья изменились. Поросшие сосны и тонкие дубы сменились высокими деревьями с гладкими серыми стволами, которые были настолько широкими, что их вряд ли обхватили бы и три Больших Тома. Я засемила по плотной черной почве и заметила отсутствие низких кустов, которые доселе обходила.

Похолодало. Затем стало совсем зябко. Мое дыхание участилось, и каждый порывистый вздох срывался в воздух облачком пара. Я изумленно уставилась на это невероятное зрелище – сейчас же лето! По телу прошла сильная дрожь. Я попала в морозную зиму.

От беспокойства кровь застыла в жилах. Что-то не так. Каждое ледяное дыхание усиливало мою тревогу. Тут слишком холодно, слишком спокойно. И слишком тихо. Это накаленная тишина, как когда играешь в прятки и знаешь, что кто-то притаился в засаде. Но это не какие-то детские игры. Я чувствовала опасность.

Я перешла на бег, постоянно оглядываясь через плечо, травмированное бедро пульсировало болью. Шиповник цеплялся за волосы и царапал голые предплечья. Холод усиливался. На руках выступили мурашки. Что-то преследовало меня, я в этом не сомневалась. Невидимое нечто дышало мне в затылок и толкало глубже в чашу.

Нет. Загоняло.

Пульс участился и так громко отдавался в ушах, что я не слышала ничего, кроме первобытной части своего мозга, бьющей тревогу: «Сзади. Сзади. Оглянись!» Я развернулась с широко распахнутыми глазами и искала взглядом своего преследователя.

Там никого не было. Лишь бдительные деревья стали свидетелями моей паники.

Острое чувство, что меня преследуют, постепенно ослабло. Бешеное сердцебиение замедлилось. Мурашки на руках исчезли, воздух перестал жалить кожу. Я выдохнула и ничего перед собой не увидела. Но полностью успокоиться до того, как выйду из леса, я не могла.

Я опустила голову, уставилась на свои ботинки и быстро пошла вперед. Преодолев не больше нескольких ярдов, вышла на поляну.

В середине стоял колодец.

Деревянного каркаса и во2рота давно не стало, остался лишь каменный круг высотой до колена, поросший мхом и лишайником. С виду он был примерно два с половиной метра в диаметре – такого большого колодца я ни разу не видела. В груди что-то заворожилось. Низкие серые камни, отшлифованные временем и аккуратно уложенные один поверх другого, будто зывали ко мне. Меня охватило желание взяться руками за край колодца.

Я бесшумно подошла, чувствуя, словно кто-то тянет меня против воли. Нерешительно протянула руку. Этот колодец был старше всех, что я когда-либо встречала. Я закрыла глаза и прижала ладони к камню. Волоски на руках встали дыбом. В нем чувствовалась сила, что-то мощное и древнее. Оно змеилось под ногами, таилось в темных водах, что просачивались в землю и питали деревья.

Я резко, словно от удара током, отдернула руки.

Потирая пальцы, отогнала эти нелепые мысли. Должно быть, сказки Лайлы сыграли надо мной злую шутку. В голос посмеявшись над своим богатым воображением, я помотала головой и открыла глаза.

Сбоку промелькнула тень.

Прищурившись, я всмотрелась в темный лес и снова заметила быстрое передвижение маленького очертания.

– Эй? – позвала я.

Из-за крапчато-серого ствола выглянуло лицо.

Я так изумилась встрече с маленькой девочкой, что чуть не дала деру, но мои ноги приросли к месту. У нее было круглое лицо и темно-карие глаза, окаймленные тенями, которые напоминали синяки. На плечи спадали длинные черные волосы, того же оттенка, что и ее платье до колена. Она вышла из мрака, ее маленькие бледные ручки вяло повисли по бокам.

Я часто заморгала, чтобы удостовериться, что мне это не привиделось. А когда снова посмотрела, ее уже не было.

Я покрутила головой влево-вправо и заметила, как она исчезла за деревом.

– Ты потерялась? – крикнула я, поспешив следом.

Девочка медленно остановилась. Мое сердце больно забило о ребра.

– Тебе помочь найти дорогу домой? – прошептала я, словно мы стояли в пустой церкви.

Она покачала головой. Мне сразу же пришло объяснение этой неожиданной встрече. Должно быть, девочка пошла за мной от школы. Теперь ясно, почему мне казалось, будто меня кто-то преследовал.

– Поговори со мной, – произнесла я с подобием на ободряющую улыбку. Ее лицо все так же ничего не выражало. Мое волнение частично вернулось. Девочка напоминала Лайлу, когда та ходила во сне.

– Ты должна пойти со мной, – сказала я, раздражение и тревога смешались в кислое варево в моем желудке. Пусть девочка и странная, не бросать же ее одну в лесу. – Нельзя прятаться тут весь день. В школе о тебе наверняка беспокоятся.

Я протянула руку. Не произнося ни слова, девочка развернулась и быстро ушла в лес, бесшумно скользя между деревьями. Ее черные волосы и платье слились с глубокими тенями чащи.

– Стой! Куда же ты?

Я поспешила за ней, но шнурки правого ботинка зацепились за шиповник. Раздраженно зарывчав, я присела и быстро выпуталась из колючек.

Меня обволокло скользкой, ползучей тишиной. Освободившись от шиповника, я выпрямилась и позвала девочку. Никто не ответил. Она исчезла. Я искала ее какое-то время, пока, наконец, не пошла своей дорогой под пристальным вниманием нависших деревьев. Оставалось надеяться, что девочка вернется в школу, и наша пугающая встреча отведит ее от прогулов.

Выйдя из-за деревьев обратно на дорогу, я с радостью вдохнула влажный, липкий воздух. Остаток пути то и дело оглядывалась на лес. Чем дальше я от него уходила, тем меньше тревожилась из-за необъяснимого мороза и встречи с ребенком.

Быстро шагая под навесом ясного июньского неба, я думала лишь о том, как доставить Хэтти продукты и найти сбежавшую лошадь. Я подняла лицо к солнцу и почувствовала признательность за неизменную арканзасскую жару.

7

Следующим днем, после полудня, я сидела между Большим Томом и Хэтти в повозке, катившейся на ярмарку в близлежащей городок Арджента. Леди Мэй резво тащила нас под ярким солнцем.

Доковыляв до фермы от Уилера, я обнаружила свою блудную лошадь по колено в розовых кустах Хэтти. Кобылка подбежала ко мне и виновато уткнулась мордой в шею. Я даже не возмутилась из-за пожеванных лепестков роз, застрявших в моих волосах. Хэтти, конечно, мягко говоря, не обрадовалась состоянию своего сада, но я испытывала лишь огромное облегчение от того, что все же не потеряла лошадь Везерингтонов.

Леди Мэй встряхнула гривой и повезла нас между необозримыми цветочными полями. Лошадь явно была в приподнятом настроении – и не только она. На рассвете Хэтти объявила, что нам нужно поскорее закончить с делами, чтобы успеть привести себя в порядок перед выходом, и – с трудом верится – начала насвистывать себе под нос. Ее радостное предвкушение праздника было заразным, и я невольно стала ждать своего первого визита на ярмарку. Даже Большой Том напевал веселую мелодию в дороге. Я решила, что этот день определенно будет хорошим. Если удача мне улыбнется, мисс Мэйв все же привезет Лайлу на ярмарку.

До Арканзаса мы с Лайлой ни дня не проводили отдельно. Если даже я частенько чувствовала себя не в своей тарелке в этом незнакомом месте, то ей и подавно было нелегко. В голове пронеслись мысли о новом опыте, который я получила за короткое время пребывания на ферме: принимала роды у коровы, работала в кукурузном поле, чинила ограду, кормила свиней. И это не говоря уж о моей увлекательной прогулке по лесу.

Я тихо ахнула. Совсем забыла рассказать Большому Тому и Хэтти о той девочке! Вчера, вернувшись поздно и пешком, я работала с удвоенной силой как покаяние за то, что не смогла даже муку с солью доставить без лишних проблем. За рьяными попытками стать лучше та странная встреча вылетела у меня из головы.

Хэтти недоуменно на меня посмотрела. На ее коленях стоял небольшой ящик, полный банок с маринованными огурцами и лучшим грушевым вареньем, которые она тщательно отобрала для конкурса консервированных продуктов.

– В чем дело? – прошептала она, наклоняясь. – Слишком туго затянула корсет?

Я до сих пор недоумевала, почему на окружную ярмарку нужно приходиться в своем лучшем облачении, но Хэтти настояла.

Я покачала головой, и на шляпке зашуршал тюль.

– Вчера, возвращаясь из Уилера, я встретила девочку в лесу. – Большой Том заметно напрягся. – Сначала я решила, что она шла из города и потерялась, но затем девочка скрылась среди деревьев, будто хорошо знала местность.

Хэтти сосредоточенно смотрела на банки на своих коленях. С пару секунд тишину нарушало только их дребезжание и хруст гравия под копытами Леди Мэй.

– Ты ходила в лес? – наконец спросила она.

– Леди Мэй сбежала, а через него до фермы быстрее. – Я поправила шляпу; ее ободок откидывал круглую тень на мое лицо, но, увы, от жары это не спасало. – В лесу кто-нибудь живет? Может, у девочки там дом.

– Парочка местных живет *рядом* с лесом – Рубен Либранд, старушка Ардит, – но не *в* нем. Ходят слухи, что люди видели там... странное, – Хэтти прочистила горло, будто слова давались ей с трудом. – Неестественное. То, что ты видела, могло быть чем-то совсем другим.

– Что это значит? – спросила я, переводя взгляд на Большого Тома.

Он сжимал и разжимал крупные ладони на поводьях.

– Возможно, это была вовсе не девочка.

Я скептически вскинула бровь.

– Вы так говорите, будто она была каким-то призраком.

Я не сводила глаз с мужчины и все ждала, когда его усы дрогнут в улыбке. Наверняка это какая-то шутка для новенькой, маленькая игра, которая должна меня напугать. Но он медленно покачал головой.

– Лес – не повод для шуток.

Бесстрастные, приземленные Везерингтоны верили в привидений и зачарованный лес? Впрочем, они также думали, что травы, растения и камни защищают от зла и приносят удачу, но я все равно удивилась. Девочка, конечно, была странной, но не *настолько*.

– Она не была похожа на призрака, – я скривилась; сама говорила, что не верю в призраков, но якобы имею представление, как они выглядят. – Девочка прогуляла школу, а встретив меня, испугалась, что у нее будут проблемы, и сбежала. – Я произнесла свою теорию с твердой уверенностью, и все же воспоминание о лесе не давало мне покоя – это чувство погружения в нечто такое, с чем у меня нет опыта. У меня задрожали руки, и я спрятала их под колени. – Думаю, нужно поискать ее.

– Если бы у кого-то пропал ребенок, мы бы уже об этом знали. Ее бы искали всем городом, – возразила Хэтти.

Большой Том кивнул.

– Утром к нам приезжал работник с кукурузной мельницы, чтобы отдать деньги, и он не упоминал, что кто-то в городе пропал без вести.

Они считали само собой разумеющимся, что любое необычное событие мгновенно станет темой широких обсуждений по всему Уилеру.

– Лучшее, что ты можешь сделать, это держаться подальше от леса, – сказала Хэтти. Я начала было возражать, но она подняла руку. – Если тебя это успокоит, я поспрашиваю, не слышал ли кто о заблудившемся ребенке. Но сперва пообещай, что больше не пойдешь туда.

Морщинки между ее бровей углубились от беспокойства. Верю я в сверхъестественное или нет, я все равно в долгу перед этими людьми. Они дали мне работу, крышу над головой и проявили терпение, которого я не заслуживала.

– Хорошо, больше никаких коротких путей. В следующий раз пойду строго по дороге.

Большой Том одобрительно улыбнулся, а Хэтти скованно погладила меня по колену.

– Вот и хорошо. Мы хотим, чтобы ты была в безопасности.

Мою грудь затопило неожиданным, счастливым теплом. Обо мне уже давно никто не заботился.

– Мы на месте, – объявил Большой Том.

На главную улицу Ардженты со всех сторон съезжались повозки и коляски. Тротуары наполнились нарядными людьми, что ручьями стекались к широкому полю за железнодорожным депо. На высокой вывеске яркими алыми буквами значилось, что, по крайней мере на сегодня, это пастбище – «Ярмарка округа Пайн».

Большой Том направил повозку в тень под дубами и слез, чтобы привязать лошадь. Все коновязи были уже заняты. Похоже, на ярмарку действительно явился весь округ. Хэтти, прижимая к себе банки, словно сокровище, приготовилась слезть.

– Давайте я подержу, – предложила я, потянувшись за ящиком.

– Я сам, – раздался низкий голос. Абель уехал раньше нас на собственном гнедом коне с необычным прозвищем Мерлин. Подойдя к повозке, он взял ящик одной рукой, а вторую протянул тете, чтобы помочь ей спуститься на исполосованную колесами землю. – Отлично выглядите, тетя Хэт.

Хэтти фыркнула, но в ее серьезных глазах заплясал огонек. По случаю ярмарки она оделась в бордовую блузку с высоким воротником и юбку клином, седеющие волосы красиво уложила под соломенную шляпу, отороченную лентой. Судя по всему, жизнь на ферме почти

не давала перерывов от изнурительной ежедневной рутины, и глядя на то, как Хэтти наслаждалась этой передышкой, я не могла сдержать улыбки.

Впрочем, улыбка быстро померкла, когда Абель протянул руку и мне, оценивающе разглядывая голубыми глазами мое белое кружевное платье.

– Ты тоже, Верити.

Я понимала, что он не заигрывал, а пытался наладить наши отношения, но все равно невольно подумала о его брошенной возлюбленной и Делле, которая чахла по нему, не зная правды.

Я стерла все эмоции с лица.

– Спасибо.

Он коснулся моей руки теплой мозолистой ладонью, и я легко спустилась на землю.

– Пожалуйста, – ответил он.

Большой Том с Хэтти пошли по протоптанной дорожке к ярмарке. Мы с Абелем двинулись следом; он засунул руки в карманы штанов и тихо насвистывал себе под нос. Закатанные рукава бежевой рубашки открывали вид на загорелые предплечья. Я чуть не дала себе подзатыльник за то, что обратила на это внимание. У подлецов не должно быть таких красивых рук.

Промокнув пот над верхней губой, я окинула взглядом ряды белых шатров вдоль западной границы поля. Над мельтешащей толпой разносилось мычание коров и блеяние коз с овцами с зоны, где оценивали домашний скот. Большой Том вложил мне в ладонь четвертак.

– Твой аванс, – низко пророкотал он.

Я поблагодарила его и спрятала монету, так как не собиралась тратить ее на сладкую вату или попкорн. Нужно копить каждый пенни, чтобы купить нам с Лайлой билет обратно на север.

– Хорошо повеселитесь! – сказала Хэтти. Расправив плечи, она гордо ушла выставлять свои консервы на конкурс, а Большой Том захотел посмотреть на Клайдсдейлов в соревновании по перетягиванию плуга.

– Ее огурцы побеждали три года подряд, – сказал Абель. – Они всегда в меру кислые и сладкие. Прямо как сама тетя Хэтти.

Я кивнула и отвернулась. Абель почесал затылок. Так мы и стояли в неловком молчании. Он смотрел на дальний край поля, где проходили лошадиные бега. Стоя на квадратных стогах сена, фанаты во все горло поддерживали чалого жеребца, который догонял вороную лошадь впереди. В последнюю секунду он все же пробил себе путь к победе, и люди разразились ликующими криками.

– Слушай, Верити, – начал Абель, – отношения у нас не задались с первого дня, и это моя вина. Я не хотел обидеть тебя тогда, в сарае. Прости.

– Может, я вела себя немного вспыльчиво, – допустила я, прекрасно зная, что так и было. Но я не нашла в себе сил, чтобы извиниться прямым текстом. Не перед Абелем. – Я принимаю твои извинения.

Мой прохладный ответ вызвал у него недоумение. Неужто он думал, что мы теперь станем закадычными друзьями? Что-то мне подсказывало, что у Абея Этчли более чем достаточно близких подруг.

Я скрестила руки и искала взглядом Лайлу, но вместо нее нашла Деллу Лофтис, которая быстро приближалась к нам.

– Абель! Верити! – Ее миловидное круглое личико подчеркивал высокий кружевной воротник, канифасное платье цвета барвинка сочеталось с шелковыми цветками на шляпке.

По бокам от нее шли Джаспер и незнакомая девушка. Оба русые, сероглазые и долговязые – как пить дать, брат с сестрой. Джаспер непринужденно топал вразвалочку, а вот девушка, одетая в простую темную юбку и блузку с защипами цвета слоновой кости, держалась так, будто у нее в корсете спрятали кочергу.

– Я так рада, что ты пришла, Верити! – Делла неожиданно притянула меня для быстрых объятий. – Это моя подруга, Кэтрин Осбрукс.

Кэтрин кивнула, и мне показалось, что она пытается выглядеть внушительнее.

– Приятно познакомиться. – Вроде бы и вежливая фраза, но вот тон и взгляд, которым она окинула меня, пока я стояла рядом с Абелем, были недобрыми. – Абель много нам о тебе рассказывал.

– Неужели?

Абель будто остолбенел, и я увидела стыд на его лице. Наверняка он отзывался пренебрежительно о грубой янки.

Делла рассмеялась, спасая беседу от полного краха.

– Ничего плохого! Абель очень рад, что ты приехала. Везерингтоны давно нуждались в помощи. Да и хорошо, что молодежи стало больше. Ребята, пойдём, музыка вот-вот начнется!

С этими словами она без смущения взяла Абея за руку, словно делала так сотни раз. Они пошли в ногу друг с другом. Шея Абея подозрительно покраснела. Я нахмурилась; интересно, что *еще* он рассказывал – или по крайней мере думал – обо мне? Я шла на шаг позади, пробираясь через толпу в окружении Осбруксов.

Джаспер говорил об игровых будках, к которым он хочет подойти позже, и что нам непременно нужно посмотреть гонку на двуколках. Трогательно, что он включил меня в планы компании. Мы остановились у сцены из сосновых досок, на которой стоял квартет из двух гитаристов, высокого мужчины с мандолиной и пухлого бородача, настраивавшего скрипку. Скрипач улыбнулся и показал смычком на Деллу.

– Ну а теперь, когда наша солистка здесь, мы начнем с особенной песни в исполнении мисс Деллы Лофтис!

Кучка зрителей вежливо похлопала. Делла нервно вздохнула и разгладила фиолетовую юбку. Абель легонько ткнул ее в ребра.

– Ты прекрасно справишься, Дел. Как всегда.

Похоже, его слов было достаточно, чтобы ободрить ее. Собрав юбку, она уверенно поднялась на сцену.

Пока Делла с группой обсуждали, какую песню сыграть первой, Кэтрин встала рядом со мной.

– Сейчас ты увидишь настоящее шоу. У Деллы замечательный голос. Держу пари, лучший в округе. Иногда они с Абелем поют дуэтом в церкви, – она выдержала паузу, пронзая меня взглядом. – Из них хорошая пара. Они всегда подходили друг другу.

В ее словах чувствовался подтекст, но мне потребовалась пара секунд, чтобы уловить его смысл. Судя по тому, что я знала о Делле, вряд ли ей понравились бы ехидные намеки подруги.

Они даже не представляли, что я, несомненно, наименьшая из проблем Деллы.

Кэтрин продолжала многозначительно смотреть на меня, и я пожала плечом.

– Как скажешь.

– Еще как скажу. Как и любой человек в Уилере. Все знают, что они будут вместе. Делла положила глаз на Абея, еще когда они были детьми.

– Занятно. А на кого он положил глаз? – поинтересовалась я, не успев прикусить язык. Кэтрин одарила меня таким взглядом, от которого и краска отслоилась бы от стен, и вернула внимание к сцене.

Группа закончила играть вступление, Делла задрала подбородок и запела. Ее голос, ясный и чистый, с легкостью поднимался по холмам и долинам задорной мелодии. Зрители захлопали в такт. Ко второй песне я бессознательно начала приплясывать. Даже Кэтрин немного расслабилась и кивала под веселую музыку. Когда Делла запела «Арканзасский путешественник», из толпы вышла пожилая пара и затанцевала под одобрителный свист Абея.

Песня подошла к концу, и зрители бурно зааплодировали. Делла покраснела и, помахав в знак благодарности, собралась уходить со сцены.

– Сыграйте что-то для виргинской кадрили! – потребовал пожилой танцор, явно не желая заканчивать веселье.

– Дедуля, никто уже давно не танцует кадрили, – с юмором ответил молодой человек в подтяжках. Старик шутливо отмахнулся от его слов.

– Делла, разве дедушка не учил тебя фигурам? – спросил Абель. – Сможешь быть ведущей?

– Попробуй! – крикнул старик, и пожилая партнерша его поддержала.

Люди начали один за другим просить, чтобы Делла повела кадрили, пока их голоса не слились в хор. Та вскинула темную бровь и окинула Абеля взглядом, присущим только давним друзьям, которые хорошо друг друга знают. Он как бы говорил: «Ну и во что ты меня втянул?» Абель широко улыбнулся.

Делла развела руки в стороны и громко объявила, перекрикивая скрипку:

– Дамы – слева, джентльмены – справа!

Хихикнув, какая-то девушка схватила нас с сопротивляющейся Кэтрин и отвела в сторону, мужчины и мальчики выстроились напротив. Делла посмотрела на меня со сцены и хитро кивнула на Джаспера.

– А теперь поклонитесь партнерам.

Джаспер согнулся передо мной пополам.

– Я никогда этого не делала, – сказала я и попыталась уйти, но меня зажали в кругу шумные зрители. Не выпрямляясь, Джаспер кивнул в знак поддержки.

– Это несложно. Просто повторяй за мной.

Бежать было некуда, так что я присела в худшем реверансе в истории и смирилась со своей судьбой.

– Покрутите партнера, – крикнула Делла, и Джаспер взял меня под руку.

– Ну, начинается, – сказал он, вращая нас.

Другие пары весело кружили то в одну сторону, то в другую, меняя руки. Под заводную музыку и топот сапог мы чередовали партнеров и продвигались по линии в головокружительном вихре юбок.

Не успела я моргнуть глазом, как моим партнером по танцу оказался Абель, и в эту секунду Белла крикнула:

– Променад!

Он протянул мне руки ладонями вверх.

– Вот так.

Я накрыла его ладони своими, и мы пошли боком, вприпрыжку, между рядами ликующих танцоров. Когда мы проходили мимо Кэтрин, она с неодобрением покачала головой. На долю секунды Абель посмотрел мне в глаза и тут же опустил взгляд на примятую траву. Его щеки залились краской. Может, ему было стыдно, что он здесь, танцует и веселится, пока его девушка сидит где-то в одиночестве.

Заразительная энергетика кадрили быстро вытеснила неприятные мысли из головы. Скрипка играла ведущую роль, ее звонкие ноты, подобно стае птиц, взмывали к ясному голубому небу. К концу песни я снова встала с Джаспером для финального вращения, а затем музыка оборвалась на жизнерадостной ноте.

Публика разразилась аплодисментами. Я присоединилась к толпе, одновременно смеясь и пытаясь отдышаться. Делла с группой поклонились на сцене.

– Я ужасно танцую, – сказала я Джасперу. Это ничуть меня не удивило, зато приятным сюрпризом стало то, что мне все равно понравилось.

На краю кучки зрителей, среди радостных наблюдателей, стоял седовласый мужчина в мрачном черном костюме и угрюмо смотрел на нас. Под жиденькой бородой его лицо было впалым и морщинистым. Тощее, узкое телосложение придавало ему хрупкий вид, но во взгляде, направленном на нас, пылал огонь.

Что-то мне подсказывало, что меня только что сочли «нечистой». Но ни один недовольный незнакомец не испортит мне хорошее настроение. Выпрямив плечи, я встретилась с ним взглядом.

Мужчина замер, и на его строгом лице промелькнуло что-то непонятное – удивление, шок? Я нарушила зрительный контакт и отвернулась, смущенная его реакцией. Когда я снова посмотрела, темный щуплый силуэт мужчины скрылся в толпе.

8

Я с неприятным чувством на душе смотрела ему вслед. Мое оцепенение прервала Делла, закинув руку мне на плечи.

– Ты впервые танцевала кадрили? Да у тебя талант!

Я отвлеклась от незнакомца и перевела взгляд на румяное лицо подружки.

– Ложь. Но мне приятно.

– Давай возьмем что-нибудь выпить, – предложила она, и парни сердечно поддержали ее.

– Я слышала, что где-то тут есть прилавок с кока-колой, – вспомнила Кэтрин.

Глаза Деллы загорелись.

– Прекрасно.

Они дружной компанией двинулись вперед, их голоса и фразы накладывались друг на друга. Я шла на шаг позади и оглядывалась в поисках того угрюмого мужчины. Его пристальное внимание выбило меня из колеи. То странное выражение, которое на долю секунды стерло презрение и осуждение с его лица, выглядело так, будто он узнал меня. Что невозможно, ведь я точно никогда его не встречала.

Когда остальные замолчали, я ускорила шаг и встряла между Деллой и Кэтрин.

– Вы видели мужчину с седой бородой, который наблюдал за танцами? На нем был черный костюм и шляпа. Он выглядел... сердитым.

– Со злыми, как у змеи, глазами? – подсказал Джаспер.

Делла с укором шлепнула его по руке.

– Повежливее, Джаспер. Это был преподобный Мэйхью. Я видела его со сцены. Он проповедует в Первой баптистской церкви Ардженты. По его мнению, танцы – это грех.

– Как и карточные игры, походы в кинотеатр и вообще что угодно, кроме чтения Библии по воскресеньям, – добавил Джаспер. Мы подошли к тележке с красным навесом и белым логотипом «Кока-Колы», и он порылся в кармане. – В детстве нас с Кэтрин пару раз заставляли ходить на воскресные службы преподобного Мэйхью. Он так меня запугал, что я боялся дышать лишним раз, чтобы не попасть в ад. Я угощаю. – Джаспер достал горстку монет и первым делом повернулся ко мне. – Хочешь бутылочку, Верити?

Я замешкалась, так как не хотела брать его деньги.

– Папа дал нам сегодня лишние карманные расходы. Мы не против поделиться.

Я заметила, что Кэтрин не поддержала брата и нахмурилась на его щедрое предложение. Этого вполне хватило, чтобы я согласилась.

Джаспер купил пять бутылок и передал их по кругу, затем показал на рощу деревьев за периметром ярмарки.

– Давайте сядем в теньке.

Мы устроились на мягкой траве – все, кроме Кэтрин, которая, покрутив носом, опустилась на край пенька. Я сделала щедрый глоток, смакуя сладкую газировку.

– Она настолько вкусная, что, наверное, преподобный Мэйхью считает ее грешной по умолчанию, – сказал Джаспер, осушив половину бутылки одним глотком.

– Не будь к нему так жесток, – пожурела Делла и добавила для меня: – Они с женой потеряли дочь. Это случилось около девятнадцати лет назад, но люди говорят, что они так и не оправались. – Она показала горлышком бутылки на палатку, в которой работала женщина средних лет с седеющими темно-рыжими волосами. Она вручила попкорн маленькому мальчику, усталая улыбка углубила морщинки вокруг ее голубых глаз. Когда юный покупатель ушел, на ее лице промелькнула грусть. – Это миссис Мэйхью.

Мне с трудом верилось, что такая милая женщина вышла замуж за такого сурового проповедника.

– Что случилось с их дочерью?

Кэтрин впервые подала голос:

– Ее звали Мэри. Когда она была нашей ровесницей, то связалась не с тем парнем. Он бросил ее и уехал из штата. – Я невольно покосилась на Абея, который внимательно наблюдал за капельками конденсата, что стекали по бутылке. – Мэри скрывала свою беременность от родителей. Они понятия не имели, почему она была такой печальной и все время сидела у себя в комнате.

– Все могло сложиться иначе, – сказал Джаспер. – Вот только та зима выдалась самой холодной за сотню лет. Ее родители уехали на церковную службу в другой город и застряли там из-за снегопада. В ту ночь Мэри родила. Но ребенок появился слишком рано и не выжил.

– Это свело Мэри с ума, – низко и тихо сказала Делла. – Она столько скрывалась, держала все в секрете, проходила через беременность одна. А затем ребенок погиб. – Над нашей группой нависла туча. – Когда умерла моя младшая сестра Джози, это чуть не добило нашу маму. Казалось, будто из нее выкачали всю радость, и долгое время она была просто оболочкой прежней себя.

Я гадала, что произошло с сестрой Деллы, но решила, что сейчас не время спрашивать.

Кэтрин продолжила рассказ – неуместно смакуя его, как мне показалось.

– Мэри Мэйхью похоронила младенца в розовом саду пастората. А затем ушла в бурю.

Джаспер полностью развалился на земле и подпер голову рукой.

– Помню, когда я впервые услышал, что люди шепчутся о пропавшей дочери Мэйхью, то надеялся, что она ушла к своему молодому человеку. Может, он образумился и вернулся за ней, и они вместе уехали, чтобы начать все сначала.

Его сестра поджала губы и покачала головой.

– Она замерзла где-то в сугробах. Отец Деллы расследовал ее исчезновение.

Я перевела взгляд на Деллу, и та кивнула.

– Она не взяла с собой ни теплой одежды, ни даже обуви. Ее следы затерялись в снегу, и после ее исчезновения температура несколько дней держалась ниже нуля. Сомневаюсь, что она ушла с отцом своего ребенка. Когда папа раскопал маленькую могилу в саду... – Делла замолчала, явно переживая из-за боли давно погибшей женщины.

Кэтрин не проявляла подобного сочувствия:

– Он нашел кольцо. Знаешь такие причудливые кольца со скрытыми посланиями? По всей округности есть крошечные панельки, которые открываются и показывают фотографии или надписи. Одна из панелек была оторвана, но кольцо все равно красивое. Делла однажды показывала его мне.

Щеки Деллы зарделись.

– Знаю, не стоило этого делать, но история Мэри всегда казалась мне такой грустной и... ну, интересной. Мэйхью не захотели оставить кольцо себе, знали, что оно от юноши, из-за которого их дочь попала в беду. Они попросили моего отца избавиться от него, но мама не пожелала даже слышать об этом. Она спрятала кольцо в ящик комода в нашем доме. Внутри вырезано небольшое любовное послание. И гелиотропы.

Она покосилась темными глазами на Абея, который все время слушал с непоколебимым, равнодушным выражением лица.

Во мне вспыхнул праведный гнев, разжигая пламя любопытства.

– Гелиотропы? К чему бы?

– На языке цветов они значат «верный до конца», – пояснила Делла.

В детстве мама рассказывала, что у каждого цветка свое уникальное значение. Ей нравилось, когда папа дарил ей букет фиолетовых крокусов, потому что они символизируют жизнерадостность. Когда у нее было подавленное настроение, что случалось довольно часто, он приносил их домой. Помнится, я надеялась, что она станет счастливее после рождения ребенка.

Мне и в голову не приходило, что ни она, ни младенец этого не переживут, и мы с Лайлой останемся без матери, а разум отца погрузится в глубокое и темное место.

Мрачный тон Деллы вернул меня к столь же мрачной истории о потере.

– То, что Мэри оставила кольцо, доказывает, что она не отправилась на встречу к возлюбленному. Она похоронила эту мечту вместе с их маленькой дочерью, – она показала на шпиль сельской церкви вдалеке. – Могила ребенка находится на кладбище за церковью. У Мэри даже нет мемориальной доски. Ее тело так и не нашли, а преподобный Мэйхью отказался проводить для нее службу. Ему было стыдно за дочь.

Я смотрела в сторону невидимого кладбища и думала о железном кресте, который мы поставили на могиле матери. По возвращении домой я обязательно навещу ее и положу свежие цветы на место ее последнего упокоения. Гиацинты, что символизируют печаль.

Мои грустные мысли сменились изумлением, когда голос подал Абель:

– Кем бы ни был тот парень, который бросил Мэри, он заслуживал хорошей порки.

Делла с Кэтрин закивали, полностью купившись на его притворство. Вопиющее лицемерие! Чья бы корова мычала.

Не успел кто-либо ответить, как к нам подошли мальчишки и позвали Джаспера с Абе-лем.

– Мы собираемся сыграть в бейсбол, Уилер против Ардженты, – сказал коренастый, широкоплечий парень.

Его товарищ показал на нас с Деллой и Кэтрин.

– Девчонки тоже приглашены, у нас мало людей. Перчаток хватит на всех, – добавил он, показывая стопку потертых кожаных рукавиц. – Если только среди вас нет левши.

Мрачность истории Мэри Мэйхью мигом развеялась. Джаспер вскочил на ноги и хрустнул костяшками пальцев.

– Ты вне игры, – сказал он Абелю, и тот с рассеянным видом пожал плечами. – Пойдемте, дамы. – Он потянул сестру, Делла тоже встала. – Как насчет тебя, Верити? Ты играешь?

Я помотала головой.

– Нет, спасибо.

Я видела, как дети играли в бейсбол в переулках неподалеку от нашей квартиры, и время от времени парни в приюте устраивали матч во дворе, но у меня никогда не было желания присоединиться.

– Тогда приходи посмотреть, когда мы начнем, – сказал Джаспер. – Я буду играть питчера за Уилер. Мои подачи никому не отбить.

Мальчишки закивали и похлопали его по спине.

– Прости, что бросаю тебя, – сказала Делла, разворачиваясь вместе с Кэтрин. – В прошлом году Арджента победила, нужно восстановить нашу репутацию.

Я без энтузиазма пожелала им удачи и сразу же вернула внимание к Абелю. Он сидел, прислонившись спиной к стволу гикори и согнув колено.

– Грустная история, не так ли? – поинтересовалась я. Не самое тактичное начало разговора, но я никогда не славилась деликатностью.

Мускул на его челюсти дрогнул.

– У нее мог быть и счастливый конец, если бы Мэри не пришлось справляться в одиночку, – продолжила я. – Подумай, как бы все сложилось, если бы отец ребенка остался с ней. Насколько я поняла, именно его уход довел Мэри до грани. – Мои слова сочлись ядом. – Как по мне, это он во всем виноват. Согласен?

Абель поднял синие глаза и заметил мою враждебность. Шестеренки в его голове закрутились, я так и видела, как он просчитывает, сколько мне известно.

– Верити, ты хочешь что-то мне сказать? – наконец спросил он напряженным голосом.

– Я слышала ваш разговор с Большим Томом. О девушке и... будущем ребенке.

Лицо Абея стало каменным.

– Знаю, это не мое дело, – продолжила я, обретая уверенность в справедливости своей претензии.

– Согласен, – процедил он.

– Но я не понимаю, почему ты не женишься на ней. Это ужасно эгоистично с твоей стороны, уж прости за откровенность. Она не должна проходить через это сама, как не должна была Мэри. Вот и все.

Брови Абея поползли вверх от удивления. Я ожидала жаркого, позорного гнева, как от любого человека, которому указали на его проступки. Вместо этого уголок его губ приподнялся в улыбке.

Я нахмурилась.

– Это едва ли адекватная реакция, мистер Этчли.

– Даже сидя на земле, ты все равно смотришь на всех свысока, – в его смешке слышалась затаенная злость. – Во-первых, ей всего пятнадцать. И несмотря на сложившуюся ситуацию, сомневаюсь, что она готова к замужеству.

Я сжала челюсти. Как он смеет быть таким пренебрежительным?!

Абель провел рукой по пшеничным волосам.

– Как для такой всезнайки ты упустила один очень важный факт.

– И какой же? – спросила я, гадая, какое жалкое оправдание своему поведению он придумает.

В его синих глазах появился блеск, из-за которого они стали ледяными.

– Я не отец ребенка Клары, – он встал и стряхнул травинки с листьями со штанов. – Она мне не подруга, а младшая сестра.

Осознание пришло ко мне как гром среди ясного неба. Злость Абея, едкие реплики по поводу брака... дело не в том, что он хотел уклониться от обязанностей. Они были направлены на мужчину, который бросил его сестру на произвол судьбы.

Ничто так не лишает дара речи, как понимание, что ты выставила себя назойливой дурой.

Я с трудом сглотнула, не зная, с чего начать.

– Мне жаль Клару... то есть мне жаль, что она попала в это... э-э-э... трудное положение, – мое лицо залилось краской, но я скупно продолжила: – Надеюсь, с ней все хорошо.

Даже невзирая на мое смущение, серьезность положения Клары поразила меня до глубины души.

Абель изобразил безупречный поклон, как во время танца.

– Очень любезно с твоей стороны.

Его глаза снова стали сапфировыми, но в них все равно читалось раздражение. Не мне его винить. Я предположила о нем худшее и чудовищно ошиблась.

– А теперь, – сказал он, глядя на поле, где проходил бейсбольный матч, – похоже, Уилеру не помешает запасной бьющий.

Абель посмотрел на мою полупустую бутылку колы и осушил до дна свою. Спрятав ее в карман, сказал напоследок:

– Не забудь допить колу. Я слышал, она хорошо сочетается с порцией унижения.

9

Я долго бродила по ярмарке в одиночестве. Скорее рак на горе свистнет, чем я пойду на бейсбол. В конце концов я решила вернуться на конкурс консервированных продуктов и поискать Хэтти. По дороге мне попался небольшой шатер, внутри которого проходила выставка мелких животных. Раздвинув полы, я прошла в теплое пыльное помещение.

Меня поприветствовали ряды проволочных клеток. Мимо нескончаемой очереди проходили люди, останавливаясь полюбоваться кроликами с лоснящейся шерсткой и курами с блестящими перьями. Гуси возмущенно галдели, явно недовольные, что судья заставлял их расхаживать по выставочной арене. Я приподняла подол юбки, чтобы не запачкаться, и пошла вперед, бормоча извинения направо и налево. В шатре царил хаос из звуков, запахов и суетливых людей. В моем нынешнем состоянии позора и замешательства все это было как-то слишком.

Я почти вышла из шатра, как вдруг услышала голос Лайлы в толпе:

– Взгляните, мисс Мэйв.

Я резко остановилась, отошла назад и увидела свою сестру, идущую рука об руку с красивой учительницей. Волосы Лайлы были заплетены в замысловатую косу, сиявшую медью за ее спиной. На ней было кружевное платье цвета весенних листьев, и каким-то чудом ее широкий белый воротник до сих пор оставался незамаранным. Мисс Мэйв нагнулась, чтобы понаблюдать за пушистым ягненком. Зверек поднял круглый нос, и Лайла почесала его за ушками.

Они так мило смотрелись. Светловолосая женщина, ягненок, счастливая девочка, наслаждающаяся первой поездкой на ярмарку. Мою грудь пронзила ревность, за которой последовало горькое чувство вины.

Я должна радоваться, что Лайла так счастлива. Новая тревога, что, возможно, я слишком эгоистична, раз хочу забрать сестру обратно в Нью-Йорк, бередила мою душу, как ноготь рану.

Я скрылась в толпе, так как не была готова взглянуть правде в лицо – что, быть может, отныне я лишняя в новой жизни сестры.

После нескольких минут беспокойных блужданий я заметила крупный силуэт Большого Тома, пробирающегося через группу людей.

– Я искал тебя, – сказал он, подойдя ближе. Тут я увидела Абеля за его спиной. Большой Том поддел большими пальцами подтяжки комбинезона. – Мы с Хэтти планируем возвращаться на ферму. Вы с Абелем поедете впереди. Вас, ребяташки, ждет работа в сарае.

Кроткая, как овечка, я кивнула и пошла за Абелем из шатра. Он не сбавил шаг, так что пришлось ускориться, чтобы пойти с ним бок о бок. Украдкой косясь на его профиль, я пыталась понять, насколько он зол.

– Наша корова плохо себя чувствует, – сказал Абель ничего не выражающим тоном. Мы срезали путь через главную тропу и подошли к Мерлину, привязанному к дереву. – Большой Том думает, что у нее пневмония. Придется кормить теленка из бутылочки, пока ей не станет лучше. – Он запрыгнул на коня, устроившись за седлом, и протянул мне руку. – Давай, лучше поспешить.

Я вспыхнула, осознав, в какой тесной обстановке пройдет дорога домой. Абель заметил мое смущение и ухмыльнулся.

– Что бы ты обо мне ни думала, я обещаю вести себя подобающе. А вот за Мерлина не ручаюсь.

Будто сговорившись с ним, конь повернул вытянутую морду и уткнулся мне в рукав. Я поставила ногу в стремя и взяла Абеля за предплечье. Его мышцы напряглись, и уже в следующую секунду я очутилась на широкой спине Мерлина. Я повернулась боком, и моя юбка укрыла лошадь.

Дыхание Абея неожиданно обдало теплом мою шею. Мне стоило бы извиниться, но я не могла мыслить трезво в такой близости к нему. Абель похлопал Мерлина, и мы двинулись к ферме.

К нашему возвращению солнце уже село за горизонт. Я принесла ведро воды, и Абель развел в ней сухое молоко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.